

Елена Свительская
При мужа
для *Лизи*

18+

Елена Юрьевна Свительская

Три мужа для Кизи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53867169

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-06597-0

Аннотация

Древняя Индия. Девочка помогла странному бродяге, перевязав рану своей дупаттой. Он заявил, что она станет его женой, и ушёл. После никто не хотел брать её замуж, считая осквернённой. Родители умерли, а дядя вздумал отдать девушку за бродячего музыканта. Но тот заявил, что примет Кизи в семью, только если она станет женою и для него, и для двух его младших братьев, тоже пока ещё холостых. Мол, не охота ему тратиться, чтобы кормить и одевать трёх жён, да свадьбы устраивать столько раз. Так что же, Кизи придётся стать женою сразу троим, да ещё и презренной танцовщицей?..

Содержание

Камень 1-ый	4
Камень 2-ой	24
Камень 3-ий	42
Камень 4-ый	58
Камень 5-ый	68
Камень 6-ой	78
Камень 7-ой	95
Камень 8-ой	110
Камень 9-ый	119
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Елена Свительская

Три мужа для Кизи

*Добро и зло враждуют: мир в огне.
А что же небо? Небо – в стороне.
Проклятия и яростные гимны
Не долетают к синей вышине.*

Омар Хайям

Камень 1-ый

Отца моего разорвали дикие звери, когда он к брату в соседнюю деревню пошёл. Но то не единственная беда была из постигших семью нашу бед.

Вроде и тигров в ближайшие годы в наших краях не замечали. Некоторые подумали на разбойников, что лютовали на торговом пути. Хотя путь тот далековато от нас пролегал. А отец старосты, как раз забрёдший в нашу деревню после очередного своего паломничества, хрипло кричал, сидя на окраине деревни, открывая страшный свой беззубый рот:

– Ракшасы! Ракшасы пришли за нами, есть наших младенцев и насиловать наших женщин, пить их молоко!

И женщины, кто кормил детей молоком, побледнели и

осунулись, много-много плакали, заламывая руки и молясь всем богам: несчастные боялись за своих детей маленьких и, может даже, что и за себя.

Хотя мужчины, да и сам староста, говорили, что то брехня, и старец совсем выжил из ума, слоняясь по джунглям и горам в одиночестве.

Но отец мой к дяде моему пошёл, чтобы помощи попросить: заступиться за меня и мою сестру. Чтобы брат его удочерил меня и её или хотя бы мою младшую сестру или о том дальнюю родню, за городом жившую, упросил. Там-то нас не знают точно.

Здесь мне не видать жениха. И, боюсь, как бы сестрёнка моя не пострадала из-за меня.

А всё я виновата! Я! Я запятнала позором своё имя и имя моих драгоценных родителей!

Случилось то несчастье ещё шесть лет назад. Мне тогда было двенадцать, нет, почти тринадцать.

Мать меня послала за священной водой на реку. Потому что я старше, чем сестрёнка, и кувшин побольше донесу. А сестрёнка отправилась собирать коровий навоз, мешать его с сеном и на забор за домом лепить, а потом уже высохшие лепёшки собрать, да принести матери, печку растапливать. А мать штопала одежду отца, второе дхоти.

Мы с Ишой в лесу набрали плодов и выменяли плоды на кусок новой ткани у соседей. Матушка ещё тогда собиралась нарядить отца в новое и отправить приискивать мне жениха в соседних деревнях. Знамо же дело: если девочку замуж до четырнадцати не отдадут, то родители её в аду гореть будут. Все так говорят. И матери соседок наших так им говорили, когда выдавали замуж, а дочери плакали и не хотели уезжать в другую деревню.

Я тогда послушно взяла кувшин самый большой и к реке пошла. Мама, оглянувшись, просила кувшин другой взять, поменьше, а то как бы ни надорвалась я. Я знала, что от большого у меня потом руки будут болеть и плечо, но пошла. Надо привыкать к труду. На женщине хозяйство всё будет. Особенно, если меня в семью первой невесткой возьмут, старшей.

И пошла я с кувшином к реке. Одежда старая, но поверх длинной юбки и короткой блузы я вчера ещё обмотала новую дупатту. Шаль мне отец подарил, таинственно улыбаясь. Откуда взял, не ведаю. Но родители уже готовились искать мне жениха. Юбка была сиреневая, как и чхоли. А дупатта – ярко-оранжевая, расшитая маленькими зеркалами и серебряными нитками. Серебряными! Для меня! И, хотя ниток и узоров немного было, лишь по краям шали, я чувствовала себя роскошною женщиной, едва ли не царицей. Отец утверждал, что мастер, рисунок придумавший, бумагу с ним сжёг, чтобы ни у кого узор такой не повторился. Стал

бы мастер так стараться для дочери земледельца? Наверное, просто отец меня хотел приободрить. А матушка мне в уши серьги новые вдела, золотые. И стеклянные яркие браслеты на руки, пару десятков. И ожерелье, из золота! Хотя и маленькое, тонкое, да всего один рубин был на нём, как капля кровавая. Правда, как царица я шла. Как невеста будущая. Красивая-красивая! Хотя и поскромнее, чем у дочек старосты. Но счастливая-счастливая. Я скоро стану взрослой. Даже странно.

Я шла, а ветер развевал мои густые волосы, чёрные-чёрные. Длинные. Волосами я заслуженно гордилась. И ветер этот делал жаркий день не таким уж страшным.

Но путь мой через рощу шёл, к реке.

И, замечтавшись, я споткнулась. Ногу я не проколола ничем. И не наступила на змею. Но лучше бы я и правда на змею наступила! Потому что треск драгоценной новой дупатты был страшным. Только-только в руки мне попала такая красивая вещь! А я... я порвала её!

В слезах побрела уже к берегу длинному. В слезах спускалась меж больших камней. Надо будет к соседке старой доброй сбегать. Вымолить нить у неё оранжевую или кусочек серебряной. Я для неё сама лепёшки для печи из навоза буду делать, много-много дней! Если нить мне даст – я постараюсь зашить рваный край и узора завиток вышить на нём. Только, боюсь, что заметят родители. Вот отец шаль принёс – я тогда думала, что маме – а матушка так долго ею любо-

валась, да гладила по ней рукой. Запомнит. Точно запомнит. Узнает.

И в тот день, в тот час я верила, что страшнее быть и не могло. Глупая была. Но тогда я не знала моего будущего.

– П-погоди! – голос окликнул меня из-за камня, когда уже подходила к воде.

Мужской голос, незнакомый.

Напугано оглянулась.

Он лежал на берегу, на краю песчаной полосы, прислонившись к одному из больших камней. Молодой мужчина, точно не местный. Дхоти из парчи, с золотой каймою вышитой. Безрукавка поверх смуглой-смуглой, загорелой груди. А поверх безрукавки странное украшение: из золотых монет и с тремя клыками разными на шнурках-подвесках. В одном ухе была крупная серьга золотая, как полумесяц. А во втором ухе серебряная, с подвесками из двух клыков. Волосы распущенные, густые, чуть ниже пояса. Но грязные, спутанные. И... и, кажется, что слипшиеся от высохшей крови. Как и на мече в ножнах, что он прятал за ногой, но они выглядели. Ох, точно кровь! Но самым жутким были глаза незнакомца. Чёрные-чёрные, холодные и насмешливые. Будто меня окатили холодной водой из источника.

– П-подожди, красавица! – прохрипел он, протягивая ко мне руку.

И сверкнул на ней, вылезшей из тени под солнечные лучи, широкий золотой браслет. Только со впаянным огромным

клыком вместо камня внутри. Его край изогнутый выступал из браслета над запястьем, будто коготь хищного зверя. У какого зверя такие клыки?

Я застыла, глядя на странный браслет. Понять не могла, откуда этот воин? Слишком роскошно одетый, чтобы быть из разбойников. Слишком странно, чтобы из кшатриев происходить. Но воин определённо. Имеет право носить оружие. И взгляд как у тех воинов, что проезжали у нашей деревни: гордый взгляд, непримиримый.

– П-подойди! – прохрипел он.

И... вдруг закашлялся кровью.

– Д-дай воды! – уже умоляюще посмотрел, упорно стараюсь поймать мой взгляд. – С-сам не дойду.

Вроде говорил с трудом. Или даже шипел как змея? Ох, что это за ерунда лезет в мою голову?! Ему плохо, надо помочь!

И я бросилась к воде, зашла по щиколотку. Наклонилась, зачерпнула воды. Невольно обернулась, посмотреть, живой ли ещё. И заметила странный взгляд, каким он по моей фигуре скользнул.

– Девкой кр-расивой выр-растешь, – он ухмыльнулся, а сказал, будто прорычал. Зловеще блеснули глаза его.

И струя крови, стекавшая по подбородку, капли крови у края рта делали его жутким в это мгновение. Словно не человек был передо мною, а демон. Да нет же, демоны, говорят, иначе выглядят. По страшному.

Ох, он ранен. А я не спешу. Не дело это.

Посмотрела взволнованно на незнакомца. И запоздало заметила лужу крови, которая вытекала из-за его спины. Штаны его были цвета крови, из ткани с узорами разводов, vyplненными нитками в тон ей, потому кровь на его одежде не сразу заметила. Нога ранена. Или спина. Но он сидел ровно, хотя и опираясь спиной о камень. Крови много вытекло, но он бодро сидел. Сильный мужчина. Вдруг ощутила восхищение к его выдержке.

Но что ты вдруг, Кизи? Ему помощь нужна. Хотя я только принести ему могу воды. И, может, рану перевязать. Вот только чем?

Робко подошла к нему, протянула кувшин. Он из левой руки меч не выпустил, а правую за кувшином протянул. И, держа его дном на ладони, медленно к горлу поднёс. И даже на чуточку не наклонился кувшин. Не выронил он его. Будто замороженная смотрела за движением мускулистой руки. А кшатрий взгляд опять поднял на меня. Странно блеснули его глаза. Впрочем, он тут уже перехватил кувшин рукою за узкое горлышко – и не выронил, не расплескал воды при том – кровь сплюнул на камень возле себя и жадно к горлышку припал. Всю воду выпил. И добавки попросил. И вновь ему её принесла.

Правда, подходя к раненному второй раз, поскользнулась на его крови. И упала, вскрикнув. Он вдруг выронил ножны меча и меня обеими руками за талию схватил. А кувшин

упал и разбился, обдав нас водою и брызгами его крови с земли. И мне осколком, отлетевшим от дна, оцарапало щёку и лоб. Но я не сразу саднящую боль ощутила.

Чужеземец потянулся к моему лицу.

– Прости... – прохрипел. – Я страшно... хочу пить.

И слизнул воду с моей щеки. Застыла от ужаса. А он отстранился – и проползла по его щеке новая кровавая полоса, от меня – и сглотнул. И, о ужас, воду слизнул не только с потом моим, но и с кровью, своей и моей, из рассечённой моей щеки.

Воин сглотнул, а потом странно застыл. Глаза его округлились от ужаса. Хватка его рук стала слабее. Он... выпил воду с кровью! Будто зверь, а не человек. И я выскочила из его рук, отбежала далеко-далеко, к воде. Лучше утопиться, чем быть обесчещенной! Тем более, безумцем!

А мужчина растерянно провёл своим указательным пальцем по нижней губе. И на палец, на котором кровь с водою смешалась, посмотрел задумчиво. Будто рука была не его. Потом нахмурился и шумно выдохнул.

Отступила к реке. И, поскользнувшись, упала в воду. Под воду... в рот, открывшийся для крика, плеснула вода. И мир наверху смазался. Всё потемнело...

Очнулась от жуткой рези в горле. И от мощного удара по спине. Выгнулась, закашлялась. Расставаясь с водой и жизнью. Нет... только с водою.

Не сразу заметила, что лежу у камней. На знакомом берегу Ганги. И чужой мужчина стоит на коленях передо мною. Вот, опять потянулся к спине. Ах, больно как!

Но последние капли воды вырвались из меня от его удара. Я сжалась, боясь новых побоев. Но незнакомец меня больше бить не стал.

Ухмыльнулся вдруг:

– Такая слабая, а воина могучего поставила перед собою на колени! – мужчина вроде бы шутил, но страшно, сердито блеснули его глаза. Словно я его унизила – и он того мне никогда не простит.

Сжалась, ожидая побоев. Или что он меня обесчестит, в отместку. Но чужак меня не тронул.

– Ты мне воды принесла, – сказал серьёзно. – Я тебя вытащил из реки. Ты мне помогла лишь, а я спас тебе жизнь. По-моему, я с тобою расплатился сполна уже.

– Х-хорошо, – с трудом произнесла, резь ощущая в горле.

Ведь это лучше, что этот жуткий кшатрий или разбойник более не будет ничем мне обязан. Даже если я едва не утонула, чтобы он меня спас и вернул таким образом мне долг благодарности. Более нас ничто в судьбе не свяжет: долг отдан, значит, карма наши пути не переплетёт. И никаких последствий не будет. Я надеюсь. Только очень уж страшные у него глаза. Словно я сделала что-то такое, что его взбесило. Но только лишь глаза честно говорили о ярости незнакомца, а тело сильное и мускулистое было спокойно. И внешне он

вроде был даже спокоен. Если не смотреть ему в глаза. Ох, я слишком много смотрю ему в глаза! Не пристало девушке смотреть в глаза мужчине! Я ведь почти уже выросла! Нехорошо.

– Раз я уже расплатился с тобою, то и имя называть своё не обязан, – добавил он, поднимаясь. И поморщился чуть.

По мокрой чёрной безрукавке и по коже между нею и дхоти кровавая полоса сползала.

– У вас спина ранена! – села испуганно.

– Ничего, – криво усмехнулся мужчина. – И похуже бывало.

А зубы-резцы, если присмотреться, были у него неровные. И... длиннее чем обычно?

Моргнула недоумённо. Снова вгляделась. Точнее, попыталась рассмотреть его зубы получше, но воин уже спрятал их и улыбку. Развернулся спиной ко мне – и мне поплохело от вида глубокой раны в разорванной дыре видневшейся. Поддел меч в ножнах босой ногой – тот взлетел высоко – и он подхватил оружие за ножны, когда стало падать, не напрягаясь.

– Рану перевязать надобно! – подскочила я взволнованно, бросаясь за ним.

– А! – отмахнулся мужчина сердито. – Солнце высушит, кровь запечётся. Заживёт.

Я на правой его руке, со спины, заметила большой шрам. Толстый, но почти под цвет кожи, видимо, полученный в дет-

стве. Только, взглядевшись, на несколько мгновений застыла от ужаса. Шрам шёл в несколько полос, как следы от когтей, которыми хищник полоснул его по руке. Вот только... разве бывают хищники, у которых по семь когтей на лапах?!

Но потом моё сердце захватила жалость. Он, конечно, храбрится и держится потрясающе спокойно, даже с жуткой такою раной, но ведь каждая капля крови драгоценная для тела!

– Дай я рану перевяжу! – бросилась за ним.

Грудь, живот и горло драло, будто я осколков наглotalась. Но отпускать его так было страшно. Тем более, что мужчина спас мне жизнь. Мог бы и не лезть в воду, да с такою раной, ради девчонки из варны ниже его. Но он всё-таки кинулся меня спасать. Помог избавиться от воды, которой наглotalась.

Добежала до него с трудом, задыхаясь. Чужеземец быстро шёл, и не думая остановиться, а ноги у него были длинные. Но всё-таки добежала. Догнала. Метнулась вперёд и, тяжело дыша, преградила ему путь.

Он скривился, будто опять что-то ужасное совершила. Да, я наглая! Слишком наглая, тем более, для девчонки из вай-шья. Но нельзя же его раненого отпускать!

– Что ещё скажешь? – спросил мужчина с ухмылкой.

– Вы...

Он протянул руку свободную, правую, и легонько сжал мой подбородок. Ох, чужой мужчина ко мне прикоснулся!

Снова!

– Нет уж, – проворчал, а я застыла от ужаса, – раз уж отбросили раз формальности, то и дальше давай без них. Если я кому-то позволил говорить со мной по-приятельски, то того же и придержусь впредь, – снова то ли оскалился, то ли ухмыльнулся. – Если в спину мне метить не будешь. Тогда на кусочки порежу, тонкими нитями! Ясно тебе?!

Едва слышно выдохнула:

– Д-да!

Он мгновение, страшное мгновение, вглядывался мне в глаза, нависая надо мной. Потом уже невозмутимо сказал:

– В общем, не вынуждай меня нарушать мои принципы.

Сказала ещё тише:

– Х-хорошо.

Воин спросил чуть погодя, не дождавшись других моих слов:

– Вот только чем мне рану перевязать? У меня-то и ткани нету при себе, – ухмыльнулся. – Разве что мне моё дхоти размотать. А потом оторвать кусок от него.

– Н-нет! – испуганно всплеснула руками я.

Увидеть голого мужчину, да ещё и не мужа своего, это же позор какой!

А кшатрий насмешливо оглядел меня с головы до ног:

– Так что разве что от твоего наряда оторвать кусок. От подола твоей юбки или дупатты.

Ох, и верно. Кроме как его штанов, да моей одежды, тка-

ни у нас при себе нет. Как же ж не догадалась?! Но что же делать?

Он, посерьёзнев, спросил вдруг мягко:

– Ты точно этого хочешь, девочка? Оторвать для меня кусок твоей ленги? Или попортить твою нарядную дупатту?

– Но я предложила ва... – он сердито на меня взглянул – и поспешно исправилась: – Тебе.

– Упрямая, значит, – но на этот раз кшатрий почему-то обрадовался.

И обошёл кругом меня, оглядывая пристально со всех сторон, будто видел первый раз. Будто приценивался. Он... он хочет меня украсть? В рабство продать?! Или... забрать в свой гарем?! Он... у него по краю ткани от дхоти золотыми нитками вышита полоса. И золотые украшения, хотя и странные. И... и камни у него на рукояти и на ножнах загнутого меча. Ох, и камни драгоценные.

– Что, хочешь стать женщиной богатого мужчины? – мой спаситель насмешливо сощурился, заметив, что я заметила уже и камни драгоценные на его оружии.

– Нет! – головой сердито мотнула.

– А почему нет? – он уже растерялся.

– Зачем кшатрию брать в жёны девочку из варны земледельцев?

– А некоторые берут. Если девушка сословием ниже, то вроде можно её брать себе, – мужчина задумчиво потёр подбородок, стирая кровь подсохшую.

Его и, кажется, и из моей щеки. И как-то растерянно посмотрел на кровь на своих пальцах, большом и указательном. И как-то снова сердито на меня уже посмотрел.

Тихо сказала:

– Я не смею о том мечтать.

– Это удивительно! – фыркнул чужеземец. – Некоторые вполне себе мечтают.

Торопливо добавила:

– Я покорна моей судьбе! Раз уж я родилась у земледельцев, значит, заслужила.

– Ты... – он сердито нахмурился. – Покорной будешь... твоей судьбе?

– Вы... ты как будто говоришь загадками. Я тебя не очень понимаю.

– А я сейчас и не хочу объяснять! – рявкнул воин на меня.

И невольно отскочила, напугано.

– К-как хочешь. Не хочешь – и не объясняй.

Воин проворчал:

– О, я много чего не хочу! Но, кажется, придётся.

Мы какое-то время смотрели пристально друг на друга.

Он – сердито, я – напугано.

Потом чужеземец и мой спаситель серьёзно спросил:

– Так что же делать будем? С моей раной?

Ох, рана! Жестокосердная я женщина! Совсем о тяжёлой ране его забыла!

Но у меня только длинная юбка и дупатта. Рваная. Или

обнажить ноги выше позволенного. Или открыть грудь в чхولي, обнажить живот и плечо. И так, и эдак срам выходит. Но рана у него серьёзная. И много крови потерял. Но дупатта уже испорченная.

Я подняла край шали и посмотрела на неё, прощаясь. На первую мою шаль дорогую, такую красивую. Родители меня убьют. Или побьют. Но я уже обещала позаботиться о нём. Тем более, что он раненный спас меня.

Медленно развернула дупатту. Сняла с себя. И протянула ему, как-то странно смотревшему на меня.

– Ты передо мною разделась, будто я твой муж, – растерянно выдохнул мужчина.

Робко сказала:

– Я только хочу тебе помочь. Не смею думать ни о чём другом.

Он вдруг руку свободную завёл за мою спину и резко рванул меня к себе, прижимая к своему телу. Но... почему-то в этот жаркий день тело его не горячее было. А будто бы слегка даже прохладное. Тело... мужское... мускулистое. Впервые меня так прижимал какой-то мужчина к себе. И не отец. Ой!

– Как имя твоё? – спросил воин вдруг хрипло.

Тихо призналась:

– Кизи.

– «Сияющая», значит... – медленно произнёс он, будто смакуя моё имя на вкус.

Потом вдруг сказал, твёрдо смотря на меня:

– Дождись меня, Кизи! Ты будешь только моей женщиной. Моею старшей женой, – криво усмехнулся. – Но вот то, что ты будешь единственной моею женщиной и единственной моею женой, я тебе не обещаю. Поняла?

Едва слышно выдохнула:

– П-поняла.

Его тело вплотную к моему пугало. И его странный взгляд. И пламя, которое мне примерещилось вдруг внутри его глаз. Испуганно зажмурилась. А он... он вдруг осторожно поцеловал меня в лоб. Испуганно глаза распахнула. А дерзкий незнакомец, улыбнувшись, серьёзно добавил:

– Вот и договорились. А я – Ванада, сын Суманы и Шандара. Жди меня.

Мужчина выпустил меня – и отскочила. Но он нахмурился, так что приблизилась к нему на шаг, нет, на два. Кажется, его лучше не злить.

Ванада длинными ногтями отщипнул золотую подвеску из одной серьги, мне протянул.

– Кольца-подвески хватит на новую дупатту. А украшение оставь на память обо мне, – улыбнулся, на сей раз по-доброму. – Но я всё равно тебя найду. Ты теперь моя женщина.

Подобрала мою шаль, которую выронила, когда он меня схватил. Он снял безрукавку, чуть поморщившись, видимо, отдирая с присохшей кровью от раны. И я, робко подойдя, осторожно обвязала его рану, так, чтобы мягкая ткань без вышивки касалась раны. Хотела ещё сбегать, воды при-

нести и рану промыть, но Ванادا перехватил меня за запястье, правда, осторожно, не причиняя боли. И я послушалась. Только перевязала.

А после он ушёл. Не сказал, когда вернётся. Не сказал, куда. И даже не знаю, так ли серьёзно сказал, будто выбрал меня своею женою. Старшей. Он... ещё не женат? Но, впрочем, незнакомец, может, только подшутил надо мною. Зачем ему я? Он – кшатрий. И, судя по золотой вышивке, из знатных воинов происходит.

Мать его Сумана, а отец Шандар. Сумана – «добродушная». Шандар – «гордый». А самого зовут Ванادا, «дарующий дождь». Но я о таких не слыхала.

Подобрала его подарок и спрятала за пояс юбки, изнутри прицепив. Домой пошла. Без кувшина и без дупатты. Шла и боялась, что родители меня заругают. И, наверное, бить будут. Наверное, отцу сложно далась покупка этой шали, да ещё и с серебряными нитями в вышивке.

А ещё горло саднило. И грудь внутри. То, что воды наглоталась, принесло свои последствия. А знакомство с тем чужеземцем свои последствия принесёт?

У деревни меня отец с матерью встречал. А сестрёнка робко пряталась за соседями. Мрачными какими-то и сердитыми. Спереди стояли взрослые мужчины, а жёны и дочери, матери держались позади. Мальчишки сбоку. И как-то странно на меня глазели.

– Ты где оставила дупатту? – спросил отец мой, нахму-

рившись, руку левую за спину отводя.

Да, кстати, все мужчины руки за спиной держали, будто что-то прятали.

Как будто рассказал им кто-то! Ох, а ведь могли и посмотреть! Ведь не я одна за водой на реку хожу.

И потому честно всё рассказала. И что раненного нашла. И что он воды попросил. И что я едва не утонула. И что он меня спас, дерзко вдруг к себе прижал. И что имя своё назвал. И обещал вернуться за мной. Сказал, что я стану его женой.

Но мужчины переглядывались растерянно. И с ужасом поняла, что такого воина они не знают. Ни в ближайших деревнях, ни в ближайшем и дальнем городе. И имя его и его родителей никогда не слышала. А женщины шептались:

– Бесстыдница! Сняла перед мужчиной свою дупатту!

А старая женщина прошипела:

– Да лучше бы ты там утонула!

Отец тяжело вздохнул. И сказал:

– И лучше бы ты вообще не возвращалась.

– Н-но... – голос мой задрожал.

– Ты сняла перед чужим мужчиной свою дупатту! – заорал он на меня, а лицо его, такое родное и доброе прежде, исказилось от ярости. – Ты оголила при чужом мужчине своё чхоли и руки, плечи! Да как ты только могла?!

И руку из-за спины достал. Камень был в его руке. И он вдруг сказал, с ненавистью глядя мне в глаза:

– Мне не нужна такая дочь!

И первым бросил в меня камень.

Закричала отчаянно моя мать, но женщины, что стояли вокруг неё, вцепились в её руки, в её дупатту, в её косу и юбку и не пустили ко мне.

И мужчины остальные достали руки из-за спины. И у всех были камни.

И мальчишки, хохоча – им всё казалось забавой, самым младшим, старшие-то, мрачно насупившись, тихо стояли поодаль – кинулись разбирать грудку камней, которая оказалась спрятанной за их ногами.

И камни полетели в меня. Один больно ударил в левый глаз – и я вскрикнула, падая, заслоняя лицо руками. И камень больно ударил меня по голове.

Плача, ко мне кинулась сестра. Заслонила меня собою. Три камня получила по ногам и по голове. Упала. Но тотчас встала, заслоняя меня своим худым телом, раскинув руки в стороны, тонкие руки. Я схватила её и что есть силы отшвырнула в сторону. О, только бы не тронули её! Пусть лучше убьют меня!

– Она не виновата! – отчаянно мать кричала. – Это всё тот мужчина! Он... – тут злые соседки заткнули ей рот. Она кусала руку, закрывавшую ей рот, плакала, вырывалась, но её не пускали.

Несколько камней ударили меня в плечи, в грудь, сбили с ног. Робко дёрнулась, закрывая юбкой ноги. Хотя бы так. Хо-

тя бы так умереть. Не открывая своих колен чужим. Взглядам чужих. Здесь все были мне чужие. А я и не знала.

Больно было от ударов. А камней они много запасли. Но ещё больнее сердцу было.

Даже отец... даже мой отец... за что?.. Почему женщине так много не позволено? Почему с женщины спрашивают так строго?

Камень 2-ой

– Остановитесь! – рявкнул голос старческий.

И все, вспомнив про отца старосты, давно ушедшего от мира, остановились и обернулись туда, откуда слышался голос. И я, приподнявшись, глянула туда между спутанных волос, уже слипающихся от моей крови.

Ещё недавно сидел раненным и со слипшимися от крови волосами Ваната. А теперь и я. Только он сильный. А у меня не хватит сил, чтобы защититься. И мне некуда идти. А он ушёл. Оставил меня и ушёл.

Но моё убийство задержал не отец старосты. А незнакомый старик в оранжевом дхоти из хлопка. Со священным шнуром, одетым через плечо. С тремя полосами из пепла на лбу. С бусами из рудракши на шее и браслетами из неё на запястье и на предплечьях. Да на обритой голове на затылке прядь волос, связанная священным шнуром. Волосы почти все седые. Но нет совсем морщин на лице незнакомца. И не похоже, чтобы тело его угасало от старости.

– Не трогайте девочку! – прокричал мужчина так, чтобы все его слышали. – Если вы убьёте её, то зло придёт на эту землю! Страшное зло!

– Кто придёт? – староста поморщился.

Брахман закрыл глаза и шумно приняхался. Потом вновь глаза распахнул и так мрачно глянул на стоявших рядом

мужчин, что они, крепкие, рослые и молодые, испуганно пятились.

– Я не знаю его имени! – объявил брахман. – Но я чую его ауру! Сильная злая аура! – он указал рукой на меня. – И она вокруг неё!

– Ты... – отец отчаянно посмотрел на меня, так, будто самого его почти до смерти камнями избили. – Ты с кем спуталась, гадкая моя дочь?! Что за демону ты помогала?!

– Он... – потупилась. – Он человек. Он точно человек!
Но люди шагнули к старику. Сказали ему имена, что называл мне незнакомец.

Тот, подумав, серьёзно головою качнул:

– Я таких воинов не знаю. И царей не знаю, хотя много земель Бхарат обошёл.

– Так... – робко староста наш спросил. – Может, то был демон какой-то? Ракшас или асур?

Взвыла женщина, зажимавшая рот матери моей. Мать же выплюнула кусок кожи с мясом – и женщины шарахнулись от неё, откусившей кусок чьей-то плоти, чтобы только рот высвободить. Мать шагнула к бродячему священнику – и все посторонились, пропуская её, боясь, к нему.

– А может... – голос её дрожал. – Может, тот Ванада или его отец... может, это какой-то бог? Мы-то люди глупые. Всех царей и дэвов не знаем. Но вы-то человек мудрый. Может, вы слышали? – и с мольбой, с отчаянной надеждой посмотрела на него.

Брахман задумчиво коснулся браслета на запястье. И помолчал чуть, будто просил священные плоды дерева, родившегося из слёз господы Шивы, помочь ему принять правильное решение. А потом степенно сказал:

– Среди царей... нет. И среди дэвов такого, яркого чтоб, не слышал. Но... – строго на мужчин посмотрел. – Но среди ракшасов известных и среди асуров такого тоже нету. А я и о них изучал.

– Так... чью же ауру вы почуяли на ней? – отец дрожащею рукою указал на меня.

– Даже не знаю... – задумчиво сказал священник. – Может, талисман, что она прячет при себе, благословлён неким сильным йогом? Или куплен в храме какого-то строгого бога? Дэв явно не добрый. Может покарать тех, кто нарушит покой его верующего.

– Какой талисман?! – староста мрачно посмотрел на меня. – Тот мужчина... он тебе что-то дал?

Дрожащей рукою нащупала подвеску с украшением от серьги Ванады. Но вытащила с трудом – с трудом согнула на её боку разбитые пальцы. Села на колени и протянула незнакомцу подарок мужчины, обещавшего взять меня в жёны, но бросившего на растерзание моим односельчанам. Тем, кого считала своими соседями и друзьями. Кого уважала. С кем прежде играла. Кем восхищалась. Но уже больше не могла.

Старик медленно приблизился, как-то пристально смотря на меня.

Больно было стоять на избитых коленях, но я промолчала. И как-то странно брахман посмотрел на меня. Осторожно принял кусок украшения моего первого жениха, меня оставившего. Если можно мне Ванаду своим женихом называть. Мудрец рассмотрел вещь его сверху, покрутил, со всех сторон осмотрел. Нахмурился. Как-то быстро взглянул на меня. Будто он что-то знал. Но ничего им не сказал.

Сказал только:

– Тут узор процарапан, мне не знакомый. Да, увы, сколь ни прожил я на свете, но всего мне знать неведомо, – и как-то странно взглянул на меня.

А потом как-то грустно посмотрел на солнце. И мудрец рядом со мной всё ещё стоял, и я видела его лицо. И будто бы он смотрел на солнце виновато. А потом строго на притихших земледельцев посмотрел:

– Вы, конечно, вправе наказать её. Ибо постыдно девице снимать дупатту перед чужим мужчиной, да ещё такой на людях показаться. Но запомните: то, что вы убьёте её, и даже каждый ваш удар, если не убьёте, и каждый ваш смех... – и так посмотрел на мелких мальчишек, швырявших в меня камнями, что те испуганно попятились, роняя камни.

Один даже камень себе на ногу уронил и расшиб пальцы, кровь даже выступила из-под ногтя, но он напугано смолчал. Старик указал рукою на ушибленную ногу мальчишки и рукою загородил от бросившейся было к нему его матери:

– Всё ваше, что принесёт боль другим, вам однажды вер-

нётся вашей болью. А теперь решайте сами, как с нею поступить. Я вам всё сказал.

– Н-но... она виновата! – отчаянно выдохнул староста.

– Ты здесь главный и многих наказывал, – священник вдруг сказал строго – и староста испуганно отступил на шаг в сторону от него. – Если не хочешь, чтобы однажды твою дочь забили камнями – остановись. Уже недолго осталось ей. Она будет отвечать за ту боль, что ты принёс чужим дочерям.

Но... он же не местный! И его никто не знает! Как же мудрец понял, что тут двоих девушек забили камнями, когда одна тайно легла с чьим-то чужим мужем, незамужняя, а другая пыталась сбежать с нашим юношей?!

А люди, пораженные тем, что он знал про случившееся здесь, хотя сам здесь ни разу прежде не был, молчали.

– Запомните! – строго сказал странник. – Каждый ваш поступок станет камнем – одним из тех камней, которыми вас однажды забьют, или одним из камней, из которых вы постройте храм, оставив его святость и красоту потомкам.

Он отдал мне кусок чужого украшения, сказал строго:

– Раз тебе дали – ты и храни. И никому в руки не отдавай.

И прочь пошёл, спокойный, будто всё сделал, что хотел сделать и что мог.

И с поклонами люди проводили его. И, одарив меня взглядами напуганными или ненавидящими, разошлись. Даже мой отец ушёл, опустив плечи и голову. Только мать моя с окровавленным лицом бросилась ко мне. И, хромя, ко мне

сестрёнка подошла. Они, плача, опустили на колени возле меня. И, плача, обнимали меня. И, хотя страшно болели перебитые камнями колени и голени, я с места не сдвинулась. Хотела саму себя наказать и этой болью: я ведь опозорила своего отца, свою мать. Из-за меня мою сестру тоже избили камнями. О, зачем я помогла тому незнакомцу?!

Или... как сказал тот брахман... если бы я прошла мимо Ванады, то моё бесчувствие однажды бы вернулось ко мне? Или даже задело бы мою дочь? Или... или он наврал, как его зовут? Но, наврал или не наврал, теперь всё равно. Главное, что тот кшатрий спокойно ушёл. Он не защитил меня сегодня. А долг мужа и честь жениха – защищать свою женщину. Как и долг отца – защищать свою дочь. Только я опозорила своего отца. Разве могу я надеяться на его защиту?

Уткнувшись в распущенные волосы сестры – матери в глаза смотреть не смела – заплакала.

И в дом вернуться решила не сразу. Уснула у стены, не решаясь войти внутрь и встретиться с отцом. Он сам вышел, схватил меня за волосы, резко дёрнул и проворчал:

– Иди в дом, бесстыдница! Нечего шляться по ночам на улице! – и потащил за волосы, не отпуская.

И я робко в дом прошла. Робко потянулась за своим ковриком для спанья, но отец ударил меня по руке. По уже перебитому запястью. Губу закусил, но смолчала. Послушно на женскую половину пошла. И легла просто на полу. А на сестрёнку, которая хотела подойти ко мне и утешить или да-

же лечь рядом, наш господин рывкнул так, что несчастная напугано отступила. И ударила о стену ногу, уже зашибленную камнем. И заревела. Мама подскочила к ней обнять. И ко мне хотела подойти, но отец рывкнул на неё со своей половины дома, чтоб ко мне подходить не смела. И мама ушла к нему потом, уныло опустив голову.

– Но она же твоя дочь! – услышала её тихий шёпот.

– Она опозорила нас! – крикнул мужчина сердито. И добавил тише: – Как я теперь в глаза родственникам буду смотреть, если узнают? А они узнают. Стыдно такое скрывать от них.

Глава семьи имеет право злиться на меня и наказывать. Я опозорила их. Хотя совсем не хотела делать это, но что же теперь!

Легла, свернувшись в комочек, обнимая плечи. Было больно телу лежать так. И на спине больно. И на другом боку. Как ни ляг – всё больно. И на душе паршиво. Но, кажется, делать больше нечего. Но, может, со временем меня простят?

Застыла от ужаса.

Или меня никогда не простят?

Вдруг меня и замуж никогда не возьмут? Или, если возьмут, то муж мне этого постыдного поступка не простит никогда? И... как бы сестрёнка моя снова не пострадала из-за меня! А Ванада так и не пришёл. Не защитил меня. Ванада... если его и правда зовут именно так. А мог ведь и соврать.

Он выступил из темноты внезапно. Присел возле меня и улыбнулся. А я застыла от ужаса, не понимая, как он ночью зашёл в дом отца. И почему светильник ещё горит? Мать вроде унесла его.

Ванада положил меч на пол. Наклонился ко мне. Молчала, напрягшись.

– Я ходил домой, сказать отцу, что нашёл себе невесту. Надобно отцу первому сказать.

Мужчина смахнул кровь, медленно текущую из царапины на лбу. И, не дождавшись моего ответа или хоть какого-то слова от меня, добавил:

– Только отец куда-то ушёл. Надобно мне его разыскать.

И снова ничего не дождался от меня.

Вдруг рванул меня к себе. Напугано замерла, да от боли в ушибах страшно хотелось завывать, но тогда мой крик разбудит мать и отца. И они поймут, что ночью ко мне пришёл мужчина. Это будет ещё хуже. Даже если Ванада честно скажет, кто он. Даже если будет просить отца отдать меня за него. Он не должен прикасаться ко мне ночью, если он не мой муж! И потому с усилием смолчала. А он...

Воин вдруг прижался своими губами к моим. Губы у него были тёплые. Нежные. Пахли мёдом с маслом. И он ещё как-то странно зажал мою нижнюю губу своими. Это... странно было. А мужчина ещё вдруг рукою ласково по моей щеке провёл. А это... было приятно. От его прикосновения боль

куда-то пропала, будто мужчина передал мне часть своих сил. И... и сердце моё вдруг неровно забилося, быстро-быстро.

Ванада долго смотрел на меня, потом осторожно положил меня обратно на пол, где лежала до того.

– Жди меня, – сказал.

И, наклонившись, поцеловал уже в лоб, осторожно и нежно. Опять поддел ножны с мечом ступнёй и опять ловко поднял их в воздухе, теперь уже правой рукой. Повернулся и исчез.

На этот раз вместо ткани его ноги были обёрнуты широкой шкурой. Почему-то с синим мехом. И пояс был из клыков разных размеров, переплетённых кожаными шнурами. И по бокам от пояса свисало много-много шнуров разной длины, с зубами и клыками разных зверей. Будто два страшных хвоста они взметнулись за ним, когда он развернулся.

Распахнула глаза и шумно выдохнула. В этой части дома, где остались я и сестрёнка, было темно. Светильник не горел. Сон... просто сон. Ведь во сне случается что-то странное!

Я рукою накрыла грудь, где неровно билось сердце, быстро-быстро.

Это был только сон, но мне почему-то понравилось, как прикоснулись ко мне его губы. И... и боль куда-то исчезла. Телесная боль. И даже на следующий день её не было. Хромала, и больно должно было что-то брать правой рукой. Но

в те два дня боли в теле измученном почему-то не было.

Разве что что-то ужасно сжималось внутри, когда вышла поутру как обычно попросить у отца благословения, наклонилась, протянула руку, чтобы коснуться его ступни, а отец вдруг резко отодвинулся от меня. Но сестре прикоснуться к нему позволил. И Иша расплакалась от сочувствия ко мне. А отец наорал на неё и велел немедленно перестать. Сказал, что иначе её ударит. И девочка в ужасе убежала от него. Мать на нашего господина взглянула тогда укоризненно, но он не заметил её взгляда, потому что вовсе в её сторону не смотрел.

И больно было встречать неприязненные взгляды соседей, когда я пошла за высохшими лепёшками для печки. Даже дети, которые прежде играли со мной, больше не хотели со мной играть.

Отец два года не позволял мне прикасаться к его стопам. И даже матери запрещал. Хотя она благословляла меня, пока никто не видел. Но хотя бы на сестру гнев его не распространялся. Тем более, что ей тогда камнями перешибли ногу. Она ходила, хромя. И отец испугался, что калекою будет. Что не сможет крутиться по хозяйству, когда вырастет. А кому такая больная хозяйка нужна?! Про меня и мою боль он не думал. Но, хвала богам, он хотя бы не трогал мою сестру! И у сестры ноги зажили!

А соседи меня так и не простили. Впредь я ловила на себе

только обжигающие ненавистью взгляды. И торопливо отводила взгляд.

И замуж меня никто брать не хотел. Сыновья односельчан даже не смотрели на меня, а их родители не собирались меня сватать. И даже мою сестру. Мол, та из семьи, потерявшей свою честь. И как потерявшей! Из-за скверно воспитанной дочери! Сняла перед чужаком дупатту старшая дочь. Так вроде и от младшей, мол, ожидать можно чего угодно. Чего-то гадкого.

Шесть лет прошло с того страшного года, как меня хотели забить до смерти. Так никто не забрал меня в жёны. Соседи всем заезжим людям рассказывали, какая я. Мол, заботились о добрых людях. И даже на сестру мою, которая красавицей подросла, не смотрел никто. Нет, из других-то деревень смотрели. И музыкант молодой из труппы бродячей долго-долго на неё смотрел. Но соседи наши и их «спасали» от дурной жены. О, лучше бы я в тот день попросту утонула! Так хотя бы моя сестра не страдала бы сейчас из-за меня! А я... я уже смирилась.

Да и было мне уже почти девятнадцать лет. Старела я. А замуж никто до сих пор не взял. Негодная женщина. Девушка, опорочившая и себя, и имя своего отца. Отца, который так заботливо растил меня. Меня были бы и рады отдать за

старого вдовца. Но те из местных братья меня не хотели.

Шесть лет прошло с того ужасного дня, когда я опозорила себя и свою семью.

И отец мой однажды поднялся и пошёл в соседнюю деревню к брату его. Умолять помочь мне или хотя бы младшей моей сестре. Мать-то других детей не принесла за прошедшие года. Точнее, родила мальчика, в первый ещё год, но столько переживала, что он ещё младенцем зачах и умер. Горько плакали мы тогда. И тогда единственный раз сидели вместе все рядом. Почти.

Брат-то отца уже знал всё. Не от нас. Рассказал ему некий «добрый человек». Даже понимала, что кто-то хотел искренне уберечь дядю и прочих наших родственников от нас, но от их тайных слов мне так гадко было, что никак простить их не могла!

А через два дня отца нашли в лесу. С грудью растерзанной и выпотрошенными внутренностями. Как будто тигр напал на него. Но что-то хищника спугнуло – и он свою добычу бросил. Хотя странно... тигров же в наших краях не водилось!

Человека из нашей деревни отправили донести правителю, умолять разобраться. Но когда ещё дойдёт!

Незнакомые мужчины молча внесли тело отца, прикрытое покрывалом, в деревню. Односельчане собрались быст-

ро, страшно волнуясь, ведь не видели лица умершего, а, значит, это мог быть мужчина и из их семьи. Такая внезапная смерть! Страшно! Дети убежали за отцами, трудившимися в поле или в лесу.

Когда все собрались – мы с матерью и сестрой стояли поодаль, боясь приблизиться к людям, не принявшим нас – один из хмурых посланников наклонился и убрал ткань с лица умершего. Моя мать рванулась вперед, всё ещё не веря, а потом с отчаянным криком упала на землю. Мы с Ишой бросились к ней. Но она оттолкнула нас, поднялась и бросилась к супругу, упала, рыдая, на колени возле него.

Односельчане смотрели на нашего отца с сочувствием или осуждением: он умер, не оставив после себя сына. В аду будет мучиться теперь. Ничтожный человек, не выполнивший долг свой перед предками, не оставивший того, кто будет заботиться о ритуалах для предков.

Мама сразу сняла с рук свои браслеты и, плача, разбила их камнем. Соседи стояли поодаль, смотрели, но ничего не сказали. Хотя сегодня взгляды многих из них были сочувствующие. Избавившись от браслетов замужней женщины, сразу за тем матушка пошла в наш дом и сняла все свои украшения. Разделила на две половины, завернув в два куска ткани. Самые роскошные вручила мне, сказав:

– Ты старшая дочь, Кизи.

А те, что попроще были, протянула моей сестре, сказав:

– А ты – младшая дочь, Иша. Всегда помни, что младшие

должны почитать старших и делиться с ними лучшим.

Я упала возле неё на колени. И плача, попросила:

– Матушка, позволь мне подарить хотя бы одно ожерелье, лучшее из твоих ожерелий, сестре!

– Нет, не надо! Ты что! – испугалась Иша.

А мать посмотрела на меня вопросительно.

Призналась:

– Может, меня замуж и не возьмут. Я опозорила себя и семью. Но Иша такого не делала. Может, её замуж возьмут. Если у неё будет роскошное ожерелье, может, её так возьмут скорее? Ведь нужно же приданное для сестры!

– Лучше бы взяли замуж тебя! – пылко ответила Иша. – Тогда бы сердце моё успокоилось.

– Ты добрая девочка, Кизи, – заплакав, мать положила свою правую ладонь мне на голову. – Пусть боги всегда заботятся о тебе!

Но с моей просьбой согласилась:

– Забота о младших – это похвально. Может, так боги скорее смилуются.

Хотя Иша ещё возражала и не сразу приняла подарок.

– Позволь мне позаботиться о тебе, – взмолилась я.

И тогда она замолчала, а я одела самое роскошное из материнских украшений ей на шею, заботливо повязки завязала.

Я уже оправляла распущенные волосы сестры, а мать, глядя на нас, спохватилась и поспешно распускала свою косу,

как вошла старая женщина, жившая через два дома от нас. Быстро взглянув на нас – и уже не видя наших поклонов – старуха подошла к нашей матери и протянула ей свёрток. Мать поклонилась и потянулась рукой к её стопам – и соседка позволила. Сначала передала ей свёрток, который держала в правой руке, а потом уже положила правую ладонь ей на голову. Сказала:

– Пусть боги хранят тебя и твоих дочерей! – и пошла мимо.

Мать развернула ткань и ахнула, увидев серьги, браслеты и бусы из плодов рудракши.

– Но как же? Они...

– Как ты знаешь, муж мой ушёл в отшельники, – она обернулась, улыбнулась, – но помнит меня и иногда возвращается. Иногда приносит мне новые украшения из рудракши, на случай, если старые мои уже начали портиться. Я думаю, он возражать не будет.

– Но если... – начала мать и запнулась.

– Женщина всегда должна быть красивой, – улыбнулась жена отшельника.

Мать, плача и прижимая подарки к груди правой рукой, низко-низко поклонилась ей. А добрая женщина ушла. Вдова, плача, одела подаренные украшения из священных плодов.

Но проводили отца ещё только через два дня, когда приве-

ли его младшего брата в наш дом. Вдова вышла к родственнику в белом сари со священным подносом с лампадой, провела круг над его головой. Потом нанесла ему тилак на лоб. И осыпала ему голову щепоткой лепестков.

Дядя, поклонившись, прикоснулся кончиками пальцев к её ступням, а она положила руку ему на голову и благословила жить долго. Добавила с горькой улыбкой, что желает ему, чтобы он всех своих дочерей замуж выдать успел. А два сына-то у него уже есть.

Поблагодарив её за благословение, мужчина выпрямился. Взгляд скользнул по толпе, собравшейся у нашего дома. И нас заметил, стоявших поодаль ото всех. Иша к нему первая подбежала, наклонилась, касаясь стоп. И он правую ладонь ей на голову положил, желая счастья и долгой жизни. И я робко подошла, наклонилась, но родственник старший отпрыгнул от меня, не желая благословлять.

Тогда мать моя передала мне священный поднос – соседи на неё косо посмотрели – и вдруг упала перед ним на колени.

– Прошу, Яш, не лишай её своей защиты! У неё больше нет отца, который бы мог её защитить! И брата старшего я не родила ей! О, ужасная я женщина! – и слёзы потекли по её щекам.

Чуть замешкавшись, брат покойного кинулся её поднимать, осторожно подхватив за предплечья, как будто даже напугано.

– О, как вы могли так со мной поступить?! – громко со-

крушался он. – Вы старше меня, но опустили передо мною на колени!

– Прошу тебя, Яш, позаботься о моих дочерях! – она продолжала плакать. – Если ты поклянёшься, что найдёшь им достойных мужей, то я смогу со спокойным сердцем последовать за мужем.

Мама... хочет взойти на его погребальный костёр?! О, нет!

Мы с Ишой отчаянно переглянулись, бросились к матери, упали на колени у её ног, рыдали, просили передумать. Дядя сердито покосился на нас, оказавшихся возле него из-за неё, а на меня как будто даже брезгливо. Чуть подумав – мать с мольбой смотрела на него – серьёзно произнёс:

– Да, если вы уйдёте следом за мужем, вы покажете пример добродетельности и верности и людям, и вашим дочерям, – строго посмотрел на Ишу. – И девочки запомнят, что женщина всегда должна следовать за своим мужем, за своим господином, как за богом. И в счастье, и в беде. И в жизни, и в смерти. Такова добродетельная жена!

Но на меня даже не посмотрел, будто всё со мною было уже кончено. Но я, опустив голову, с почтением слушала его. К тому же, когда смотрела в землю, стоя на коленях возле моих родственников, односельчанам и брату отца не видно было мои глаза, затуманившиеся слезами.

Мама... мамочка... только-только отец погиб! Дяде мы не нужны – и он это даже почти не скрывает. Но ты хочешь со-

вершить обряд сати?! Ты тоже хочешь оставить нас? И это случится завтра или даже сегодня. Что станет с нами, мама? Ты совсем не подумала о своих дочерях?! Вот только... если ты уйдёшь, как благочестивая вдова, за ушедшим прежде неё мужем, ты осветишь имя нашего отца и нашего господина хотя бы отчасти. И вместе в следующих жизнях вы с ним снова будете. Вот только мы... Да плевать на меня. Только Иша... что станет с моей сестрой?

– Что ж, – серьёзно произнёс ставший старшим мужчиной в семье, – тогда мы в ближайшее время проведём обряд сати, – и сам вдруг опять на колени опустился перед матерью моей. – О, спасибо тебе, сестра Пушпа! Иметь такую добродетельную и преданную жену как ты... о, моему старшему брату несказанно повезло, что он женился на тебе!

И всё. Пути назад больше не было. Потому что мать хотела уйти как верная жена, как достойная вдова. Потому что она уже сказала об этом перед всеми.

Камень 3-ий

Иша сжала мою руку. И, когда взрослые отошли к соседям договариваться о последних ритуалах и выяснять, можно ли найти достаточное количество баньянового дерева поблизости, шепнула мне:

– Не волнуйся, Кизи! Я с тобой! – и обняла меня, потом ладони положила на мои плечи и коснулась щеками попеременно моих щёк.

Всхлипнув, сказала дрожащим голосом:

– Но нас могут выдать замуж за мужчин из разных краёв.

Чтобы не тревожить её, я сделаю вид, будто и меня однажды выдадут замуж. Пока не будем думать обо мне. Я надеюсь, что у дяди хватит милосердия позаботиться хотя бы о моей сестре! Тем более, что он прилюдно это пообещал! Пообещал вдове! Да хотя бы потому, что мы дочери его старшего брата – и теперь младшему брату отца надлежит о нас заботиться. По крайней мере, пока мы ещё не имеем своих мужей.

Сестра ласково сжала мои щёки в своих ладонях, заглянула мне в глаза:

– Где бы я ни была, я всегда буду молиться о тебе! Ты веришь мне, Кизи?

Всхлипнув, сказала:

– Верю. И я... я тоже всегда буду молиться о твоём благо-

получии, где бы ты ни была, – и крепко её обняла.

В конце концов, даже боги и демоны, даже проклятия оскорблённых священников не могут справиться с молитвами женщины с чистым сердцем, особенно, если она всю жизнь хранит верность своему мужу. И я буду чистой, насколько смогу. Хотя бы ради Ишы. Ведь я люблю её по-настоящему! Ведь не могут же боги не слышать молитв старшей сестры? Я буду просить только о счастье моей сестры.

Сначала люди не верили, что успеют найти столько баньяновых деревьев, сколько нужно для костра. Но всё-таки мужчины нашли достаточно таких деревьев до вечера. Так что отца сожгут на дровах из баньянового дерева. И мать не будет задыхаться от удушающего дыма, когда взойдёт на костёр с мужем.

Похороны отца решили провести сегодняшним вечером.

Все жители деревни собрались у руки. Мужчины сложили погребальный костёр. И отца уложили сверху, торопливо прикрыв оранжевой тканью: тело его уже начало искажаться и пахнуть. Младший брат его, облачённый в простые белые дхоти, прошёл вокруг последней постели покойного, неся кувшин с пробитым дном, оставляя за собой след масла.

Матушка, до того обнимавшая нас с Ишой, разжала объятия. Мы, поняв, что час разлуки уже настал, отчаянно вцепились в неё, но она строго отцепила наши руки от своего белого сари. Тихо сказала:

– Я уже выбрала. Я хочу уйти за ним.

И мы, рыдая, в последний раз поклонились ей и коснулись её стоп. А она благословила нас, сначала положив правую ладонь на мой затылок, потом – сестре:

– Пусть боги даруют вам достойных мужей, которые будут хорошо о вас заботиться! Пусть у вас будет много детей! И пусть ваши близкие будут здоровы!

И, отвернувшись от нас, спокойно пошла к отцу. Сама взобралась на дрова к супругу. И дядя сам подошёл с факелом и поджег дрова.

Мы с сестрой стояли, обнявшись, глядя, как пламя проходит между дров, как облизывает ноги и юбку матери, как крадётсь выше. Мать держалось достойно, уходя вслед за мужем. Она искусала губы в кровь, но не кричала. Сидела с ровной спиной. Разве что потом, когда пламя захватило её всю, объяло её распущенные волосы, когда дым уже скрыл от нас её лицо, исказившееся от боли, она всё-таки сорвалась на крик. Последний крик, полный боли, отчаянный, похожий на вой. А потом упала на грудь отца. И больше не двигалась, когда пламя её облизывало.

Мы с сестрой упали на колени, содрогаясь от ужаса. Наша мать сгорела заживо, но было такое чувство, что огонь пожирает изнутри нас.

Я плохо помню, что было потом: мир помутнел и я, кажется, упала. В голове звенело. Только нежные руки ощущала, сжимавшие мои ладони. Только нежные руки сестры: матери

больше не было...

Очнулась уже в темноте, разрезанной огнями факелов. Всё ещё у реки. Иша сидела возле меня и растирала мои ступни. Люди смотрели куда-то на реку. На месте, где сгорали тела родителей, осталось только пепелище. И совсем чуть-чуть пепла. Поняв, что всё закончено, разрыдалась, а сестра кинулась утешать меня. Дядя молча стоял возле нас. Его белые дхоти были слегка запачканы пеплом. Видимо, он был из тех, кто относил останки брата и его вдовы в воды священной реки. Оказал ещё одну заботу об умершем.

Совсем ещё маленький мальчик спросил отца, потеряв за ногу:

– Если Ганга – священная, почему мы стираем одежду в ней? Почему смываем свою грязь в ней, совершая омовение? Почему туда бросаем пепел и всё, что осталось от умерших?

Отец строго посмотрел на него, но сын не унимался:

– Почему мы воду из неё пьём? Там же вода грязная!

Родитель серьёзно ответил:

– Ганга – река чистая. А грязь – грязная.

К ним подошёл отец старосты, видимо, далеко не отошёл и, услышав о внезапной смерти в родной деревне, счёл своим долгом вернуться и проводить нашего отца. Мы с Ишой поднялись и кинулись к нему, поклониться и коснуться его стоп – и он принял нас. Сначала моей головы коснулся своей правой ладонью, потом – сестры:

– Пусть боги даруют вашим будущим мужьям здоровье и долгую жизнь!

И к любопытному мальчику повернулся:

– Видишь ли, когда-то дэви Ганга очень старалась выполнить просьбу жены Шивы, но не сумела. Не сберегла её дитя. И то пострадало из-за злобного асура. Тот демон много аскез совершил, чтобы Шива даровал ему благодать. А когда Махадэв явился к нему, поблагодарил за верное служение и спросил, какой дар он хочет получить, то тот асур упросил великого бога даровать ему, ничтожному, благодать умереть только от руки сына Шивы и его жены. И Махадэв, милостиво улыбнувшись, благословил его, что умрёт только от руки сына господина Шивы. С тех пор тот асур много зла совершил, ибо никто не мог его убить, а он уже более никого не боялся. Никого, кроме сына Шивы и дэви Парвати. Впрочем, злобный демон следил за делами великого бога и всеми силами старался убить его ребёнка, пока тот ещё будет маленьким. И гнусное дело совершил, навредив своему врагу. От гнева и боли дэви Парвати обратилась в Махакали – и покарала того, кто украл ребёнка у богини Ганги. А богиню Гангу и Агни дэва, который тоже пытался уберечь ребёнка, но не сумел, передал Ганге, прокляла. Дэви Гангу прокляла, что отныне в ней будут стирать одежду и грязь с тела в неё смывать, да ещё и сбрасывать в неё останки умерших. А бога огня прокляла, что теперь никто из людей не сможет до него прикоснуться из-за его нестерпимого жара. А ещё прокляла Агни дэва, что

впередь в огне будут сжигать умёрших.

– Но почтенный старец! – возмутилось неуёмное дитя. – Так то ж выходит, что дэви Парвати прокляла дэви Гангу! Почему после этого Гангу считают священной?

– А потому, любознательное дитя, что проклятие бога может стать для прогневавшего его благословением.

– Это как? – мальчик растерянно захлопал ресницами. – Это же проклятие! А боги, если уж проклинают, то по страшному.

И взрослые все повернулись к нам уже все, кто прежде не обернулся, прислушиваясь к речам мудреца.

– Видишь ли, мальчик, – степенно ответил отшельник, – проклятия богов приносят проклятым страдания. Но душа того, кто проходит через страдания, очищается. Страдания для наших душ – как огонь для тела умершего. Человек, который страдает, может начать усиленно молиться и совершать очищающие аскезы, милостыню раздавать брахманам и нищим. Так он даже может вступить на путь к просветлению. Нет ничего лучше, чем стать благочестивым и достичь просветления! Потому, таким образом, проклятия богов могут привести проклятого на путь добродетели.

– Но что же Ганга? – не отставал ребёнок. – В чём её благословение, о мудрец? Ведь в неё сбрасывают останки умёрших! И смывают свою грязь в её водах!

– Так ведь в воде священной Ганги люди смывают не только телесную грязь, – улыбнулся отшельник. – В водах ма-

тери Ганги люди смывают и грехи со своих душ! А потому, прокляв так дэви Гангу, великая Кали даровала ей великую возможность: помогать многим-многим людям очищаться от грехов.

– А-а-а... – серьёзно протянул любознательный ребёнок. – Тогда, выходит, что Махакали так же и благословила богиню Гангу.

Седовласый мужчина повернулся уже ко мне и Ише, добавил уже для нас:

– Задача нашей жизни – очистить наши души от грязи. И уже чистыми встретить свою смерть. Огонь очищает нас, сжигая тела. Огонь завершает процесс очищения, даже если человек не сумел как следует очиститься при жизни, – чуть помолчав, строго взглянул уже на меня: – Разумеется, что собранные нами проклятья и благословения идут с нашими душами из жизни в жизнь, покуда не исполнятся. Потому не надейтесь на священный огонь. Следите сами за чистотой ваших тел и душ.

Я и сестра почтительно поклонились, благодаря его за то, что поделился с нами драгоценными знаниями. Когда выпрямились, поняли, что сейчас все жители деревни кланяются отшельнику.

– Ну, что же, – сказал он задумчиво, – я достаточно времени провёл уже подле вас. И вашего почтенного отца проводил. Теперь мне следует опять уйти от мирских забот и дел – и посвятить мою душу и все мои мысли стремлению к про-

светлению, – вздохнул. – Мне уже немного осталось. Успеть бы очиститься ещё при жизни, чтобы вырваться после этой смерти из колеса сансары насовсем.

– А зачем? – опять вылез маленький мальчик. – Зачем вырваться из череды воплощений?

– А потому дитя, что жизнь в человеческом мире приносит только страдания.

– Разве? – мальчик захлопал глазами. – Но мы же можем играть, есть, быть в объятиях близких и в кругу семьи. Это же хорошо! Это приятно. Это радует!

Взрослые и дети постарше завздыхали и грустно запереглядывались. Что взять с малого ребёнка? Он ещё не вкусил всей горечи жизни и не знает, что жизнь – это не только вкусная еда, игры и заботливые родственники.

Прежний староста, а ныне уже отшельник, снова собрался уходить.

Перед тем его родные подошли к нему, чтобы коснуться его стоп и получить благословение. И он милостиво благословил всех своих. И то, что среди детей его сына и внука попался тот самый любознательный мальчик, старца не разгневало. Староста, правда, возмутился, что, мол, младшие не должны лезть вперёд старших. Но отец его, усмехнувшись, положил сначала правую ладонь на голову чужого мальчишки, встрепал его непослушные волосы и миролюбиво сказал:

– Это дитя право. Для меня уже не должно быть чужих и своих. Для меня теперь все люди должны быть одинаковы.

И руки протянул ко всем другим – и даже на меня и Ишу посмотрел – и сказал:

– Подходите все, дети мои! Прежде чем уйти, я благословлю вас всех.

И исполнил свои слова. И даже мальчика неуёмного благословил дважды. На того зашикали, а он серьёзно сказал:

– Благословения – это хорошо! Мне надо собрать побольше благословений.

– Практичный мужчина у вас растёт, – ухмыльнувшись, шепнул кто-то его отцу.

И даже меня и Ишу почтенный старец благословил. И нашего дядю, тоже подошедшего, чтобы с поклоном коснуться стоп мудреца. А потом брат отца велел нам возвращаться домой. А он будет спать у дома на улице, ибо не пристало чужому мужчине спать возле нас.

И, как-то странно улыбнувшись, сказал уже тихо:

– В ближайшее же время займусь исполнением моего обещания для вашей матери.

Мы с сестрой испуганно переглянулись, с ужасом поняв, что, кажется, и даже нам двоим вскоре суждено расстаться.

Два дня прошло. Дядя также спал вне дома и даже почти у самых ворот, на виду у соседей, чтобы те не заподозрили ни его, ни нас в непристойном поведении. А так же, чтобы не допустить непристойного поведения юношей и мужчин, живущих в деревне.

Днём подолгу расспрашивал наших односельчан и редких путников. Какие юноши неженатые в наших краях? Кто недавно овдовел? Есть ли старики, всё ещё могущие, хм, зачинать детей и, желательно, чтобы их жёны были бесплодными? Есть ли бездетные пары в нашей и ближайших деревнях, мужья которых в силах прокормить ещё одну жену? А в городе?

Иша плакала, услышав, что дядя готов отдать нас замуж за старика и, может статься, что даже второй или третьей женой! Она не хотела жить со стариком. И не хотела быть младшей женой. Тем более, у женщины, своих детей не имеющих, которая захочет её ребёнка присвоить себе. И, может, уже достаточно ожесточилась за годы своей жизни и своего позора, так что будет гнев свой вымещать на младшей жене, особенно, пока мужа рядом не будет. А Ише, как младшей жене, придётся всё терпеливо сносить.

Брат отца, вернувшись и застав её в слезах, а меня, обнимающей сестру, строго спросил, что случилось. Пусть и не сразу, но девушка призналась, что её так опечалило. На что дядя серьёзно сказал:

– Милое дитя, стараниями твоей глупой сестры ты теперь не самая желанная невеста в этих краях. Так что твоим счастьем будет, если я найду тебе хоть какого-то мужа.

И уже на второй день после похорон он заставил меня и Ишу надеть все украшения, что нам достались от родителей. Все сразу.

– Но так мало времени прошло! – впервые сорвалась на крик Иша. – Зачем же вы заставляете нас так рано начать наряжаться? – и расплакалась, сквозь слёзы говорила: – Люди подумают, что у меня и у Кизи совсем стыда нет! Как вы можете так с нами поступать, о дядя?! Я так верила вам! А вы... вы...

Яш шумно выдохнул и сердито сказал, мрачно смотря на неё:

– О, глупая девочка! Повторяю тебе: твоим счастьем будет, если я найду тебе хоть какого-то мужа!

– Так... – она подняла на него заплаканное лицо. – Тогда упросите кого-то из наших дальних родственников жениться на мне!

– О нет! – проворчал он. – Родственники настоятельно велели мне уберечь их от такого.

– Так... – от ужасного осознания девушка даже плакать перестала. – Все наши родственники презирают нас? Поэтому никто больше на похороны отца не пришёл? И... – запнулась. – И даже вы?

– Я уважаю моего брата! – резко и как-то быстро ответил дядя, но прибавил, мрачно взглянув на меня: – Каких бы глупостей ни натворили его дочери, он по-прежнему мой старший брат.

Мы какое-то время молчали. Я стояла, потупив взгляд. Сестра беззвучно плакала.

– Оденьте все ваши украшения! – велел дядя, направля-

ась к выходу. – Даже если никто не польстится на ваши тела, испугавшись вашей дурной славы, кто-то может взять вас в жёны, польстившись на ваши украшения. Может, для бедного мужчины или юноши невеста хоть с таким приданным и сойдёт.

– Н-но... – Иша затряслась, прибитая и этой горькой правдой.

Осторожно положила ладонь ей на плечо. Правую. И тихо попросила:

– Сделаем так, как он сказал, Иша! Дядя намного старше нас. Он нам плохого не посоветует.

Обернувшись, Яш криво усмехнулся:

– А ты – умная девушка, Кизи. Жаль, что твоего ума тогда не хватило, чтобы удержаться.

И покинул дом. И, судя по тому взору, каким его проводила моя сестра, покинул и её сердце.

Чуть погодя, Иша сжала моё запястье, правой рукой:

– Ты... ты почему такая спокойная, Кизи? Не боишься, что он может найти нам калек или уродов в мужа? Он, кажется, может.

Горько усмехнулась:

– А я давно ни на что не надеюсь, Иша. Когда нет надежды, то и терять нечего.

Она опустила голову на моё плечо, всхлипнула.

– Ты такая добрая, моя сестра! О, только бы боги послали тебе мужчину, который будет хорошо заботиться о тебе! Я

боюсь, что ты скоро уже будешь далеко от меня. А если муж не будет заботиться о тебе, то кто тогда позаботится о тебе?

Вздыхнув, призналась:

– Для меня было бы счастьем получить мужа с добрым сердцем. Я бы согласилась даже на калеку или уродливого, лишь бы он был добрым!

– Не говори так! – девушка испуганно обняла моё лицо своими ладонями. – А то вдруг боги услышат твои слова – и так и сделают?!

– Хорошо, хорошо, не буду, – потрепала её по щеке правой рукой.

Пусть думает, что мне станет легче, если буду молчать. Пусть надеется, если ещё может надеяться хоть на что-то.

А жестокий дядя и вправду начал расспрашивать и про холостых калек. На всё готов, лишь бы поскорее от нас избавиться?!

Когда мы выходили за водой, в лес или в поле, дядя обязательно сопровождал нас. И велел его разыскать, если он будет где-то у соседей, а нам вздумается выйти. Серьёзно врал:

– Я теперь главный мужчина в семье – и мой долг вас защищать. Так что я обязан сопровождать вас, когда вы куда-то уходите. Чтобы ни здешние мужчины, ни странники не вздумали до вас дотронуться или грубить вам!

И действительно всегда ходил вместе с нами.

На четвёртый день после похорон, мы втроём пошли на реку за водой. Как и прежде, мы с сестрой несли самые большие кувшины, а Яш просто шёл рядом с нами.

Он и на обратном пути не будет нам помогать. Будет опять ворчать, заметив грустный взгляд Ишы, мол, пора бы нам привыкать уже вести хозяйство. А то вдруг повезёт стать женой старшего сына какой-то семьи? Тогда всё хозяйство на нас будет. Свекровь-то и рада будет отдохнуть наконец. Да, впрочем, если станем младшей чьей-то женой или женой самого младшего из братьев, тогда-то и на нас будут старшие жёны сваливать работу. Нет, конечно, бывают добросердечные и мудрые женщины, которые относятся к младшим жёнам и жёнам младших братьев мужа как к любимым своим младшим сёстрам, у тех всё мирно и дружно в семье, но, увы, не у всех женщин с рождения достаточно благоразумия. И, уж тем более, не у всех оно рождается и потом. Словом, он «старательно готовил нас к трудностям взрослой жизни».

Мы упарились, пока шли. Вспотели. Да и металлические украшения, нагретые солнцем, обжигали кожу. Мы, следуя его воле, носили сразу все украшения, которые у нас были, чтобы и незнакомый видел, что у нас сколько-то приданного есть при себе.

Пока мы набирали воду, дядя поднялся наверх берега и осмотрелся. Потом торопливо сбежал, взволнованный, кинулся к нам. И почему-то тихо сказал:

– Живо лезьте и мойтесь! От вас слишком сильно потом

воняет. А тела женщин должны благоухать чистотой и духами! Духов, увы, мы пока позволить себе не можем, а вот чистоту хранить мы все обязаны.

– Но... – засмушалась Иша.

– Живо! – зашипел он на нас. И выхватил у неё кувшин из рук. – Да не робей ты, о глупая! Я, разумеется, отвернусь, – и тотчас же выполнил обещание.

Мы с сестрой недоумённо переглянулись. Он обычно стоял на берегу, далеко, пока мы купались. А сегодня был так рядом! Впрочем, он был старшим. Стал теперь главным мужчиной в семье. Так что надлежало нам его слушаться.

Потому я поставила мой наполненный кувшин на берегу, чуть ямку выкопав, чтобы стоял ровно. И послушно вошла в воду, по шею. Старательно отёрла песком подмышки и ступни. И Иша, смотря на меня, занялась тем же.

А потом мы торопливо полезли на берег, чтобы поскорее солнце одежду нашу высушило. Если будем медлить, дядя опять будет ругаться. А он жестокий. Может даже ударить нас в гнев.

И только мы вышли, выжимая распущенные волосы, как сверху горы, у обрыва, послышались мужские голоса:

– Второй брат, можно сегодня ты постираешь? У меня руки все стёрты после вчерашней стирки!

– А нечего тебе было ходить туда и на чужих жён пялиться! Я тебя наказал – вот и выполняй.

– Но старший брат! Но... Садхир, а почему ты молчишь?!

Тебе совсем меня не жаль?!

Мы с сестрой потрясённо застыли. Посмотрели наверх.

А сверху на нас смотрел наш дядя, уже повернувшийся к нам. И, поодаль от него, стояли три незнакомых мужчины. И они тоже смотрели на нас, облепленных промокшими одеждами и накидками. Мерзкая ткань ничего не скрывала! И... и старший из незнакомцев как-то странно блеснул глазами, разглядывая моё тело.

Иша торопливо в воду плюхнулась, обдав меня брызгами: девушка оказалась расторопнее, чем я. Но я тоже торопливо отступила в воду, заслоня сестру, у которой в воде юбка сползла, обнажая щиколотки и ноги до колен. И, присев, я торопливо юбку её оправила. А она робко уползла поглубже. Боясь так же засветиться ногами или невольно показать ноги под юбкой, если нырну, я в воду уползала медленно. И мужчины незнакомые проводили меня взглядами. Смотрели на мою грудь пристально, жадно, пока не влезла в воду по самый подбородок. Жадными были взгляды у самого старшего и младшего. А вот средний по возрасту, самый высокий, вообще отвернулся, сразу, как только заметил нас в таком непристойном виде.

Камень 4-ый

– Поллав, а, может... нам жениться? – мечтательно спросил младший из путников у старшего. – Тогда уже жена всегда будет и стирать, и готовить! Представляешь, как хорошо будет? – но покосился почему-то туда, где под водою виднелся силуэт моего тела.

– Не говори ерунды, Мохан! – проворчал самый высокий из мужчин. – Мне и тебе надобно сначала полностью пройти обучение. Научиться контролировать свои эмоции и порывы. И только тогда будем пригодными к семейной жизни.

Услышав про обучение, юноша скривился. А старший из братьев поморщился. Видимо, средний их уже допёк своими благими намерениями. Кстати, осторожно подглядев на них, я запоздало заметила, что у Садхира были украшения из плодов рудракши: бусы, браслеты на запястьях и предплечьях. Да даже серьги! У его братьев серьги были золотые, крупные, а вот у Садхира – плоды рудракши, оправленные в золото. Да золота-то там было ровно столько, чтобы поддерживать драгоценную ношу и цепляться за мочки. Кажется, один из братьев очень интересуется мудростью и религией. Да и на меня он избегает смотреть: то ли противна я ему, то ли не хочет меня смущать.

Средний из путников, будто почувствовав мой взгляд, обернулся. И взглянул на меня укоризненно, мол, что ты

пялишься на мужчин, о девушка, мало тебе, что ты и так уже опозорилась? И я торопливо взгляд опустила. Дрожащая Иша в воде прибилась ко мне. Нет, спряталась за моей спиной. Мне пришлось поддерживать её под руку, чтобы не упала на глубину.

Тут наш дядя, будто опомнившись от потрясения, взвыл: – О боги! Да за что же мне позор такой на мою голову?! О, мой бедный брат, как я, мерзкий брат твой, так подло тебя подставил! О, срам-то какой! – и уже сердито зыркнул на мужчин, которые уже всё рассмотреть успели: – Да хватит вам пялиться! О бесстыдники!

И те, вспомнив о приличиях, наконец-то отвернулись. Я нарочно подсмотрела между мокрых волос. Ага, и Поллав даже голову Мохана отвернул, цапнув за ухо. Старший из них, похоже, грубоват. А младший – не слишком-то и послушный. Средний уже не смотрел на меня. Он, выходит, самый приличный и спокойный из всех.

Покосилась уже на дядю. Тот внимательно смотрел на меня. Правда, тут же внимательно покосился на Садхира. Значит, Яш заметил, как я смотрела на незнакомого молодого мужчину. А теперь посмотрел на Поллава, мрачно смотрящего куда-то себе под ноги.

И тут, подтверждая мои предположения, расчётливый мужчина как бы между прочим затянул:

– О боги! Что же делать мне теперь?! Чужие мужчины смотрели на моих девочек! А они мне как родные дочери! О,

как этим молодым мужчинам не совестно так унижать бедняжек?

Поллав так мрачно на него посмотрел, что дядя заткнулся. Садхир промолчал, невозмутимо глядя куда-то вдаль и задумчиво теребя одну из рудракш в своих бусах, будто просил у священных плодов дать подсказку как же выпутаться теперь из неприятной этой ситуации. А младший опять покосился на меня. Как будто раз уже признано было нашим защитником, что нас уже унизили, то больше взглядом или меньше – уже не важно. Иша дрожала за моей спиной, вцепившись в мою накидку: бедной моей сестре всё это не нравилось.

А я вдруг подумала, что дядя может уговорить кого-то из странников взять одну из нас в жёны. Если смолчит, за что нас так не любят местные жители. Но... как можно отдавать нас в руки тех, кого дядя видит впервые в жизни?! Хотя... если уж наши украшения все сочли не слишком значимыми, по крайней мере, не настолько ценными, чтобы не обращать внимания на нашу репутацию, если моя с сестрой внешность никого не тронула, то, кажется, остаётся единственная возможность – разыграть на мужской похоти. И расчётливый дядя решил прибегнуть к этому средству. Ещё только четвёртый день после смерти его старшего брата, а он так торопится от нас избавиться! Да ещё и мечтает всучить нас незнакомцам! Совсем ему наплевать, как эти мужчины будут после обращаться со своими женами!

– Раз уж вы так унизили моих племянниц, может быть, вы поведёте себя достойно – и заберёте их в жёны? – произнёс наконец мой дядя.

Иша опять задрожала. Наивная, ты раньше не догадалась, к чему Яш клонит?!

Мохан задумчиво посмотрел на моё лицо. Потом на лицо моей сестры. Может, ему сверху было видно её, прячущуюся за мной. Будто он уже выбирал, какая покрасивее. Вот нахал! Поллав шумно выдохнул, но таки опять посмотрел на реку. Нет, только на меня. От его взгляда мне стало жутко. Садхир же серьёзно сказал, посмотрев уже на моего дядю:

– Это было бы приличным решением после того, как мы невольно нанесли оскорбление вам и вашим племянницам.

– Но... – старший из молодых мужчин всё ещё сомневался.

Может, его напугала та поспешность, с которой дядя нас норовил отдать незнакомцам. Ведь любимых дочерей так замуж не отдают! Ездят, присматриваются к юношам, внимательно составляют гороскопы, проверяют, будет ли совместимость у супругов, да насколько они вообще смогут ужиться, какие беды пророчат им и их супругам звёзды в будущем? А дядя даже не заикнулся о надобности проверить наши гороскопы у мудреца, хорошо разбирающегося в этом сложном и важном деле.

– Не дело обижать женщин, – добавил Садхир и в третий раз посмотрел на меня, но не на силуэт моего тела, светлею-

щий под водою, а прямо мне в глаза. – Мне грустно, что я и мои братья унизили вас, о девушки! Мы сделали это не намеренно, но... – тут он заметил, что младший опять на нас пялится – и сам уже цапнул его за ухо и, видимо, пребольно, так как тот взвыл и тотчас же отвернулся от нас.

– Так, может... – дядя ласково улыбнулся среднему из мужчин. – Может, вы-то и позаботитесь о моей старшей? Раз вы так заботитесь о ней? Да и... я приятно поражён, что столь молодой мужчина уже столь благоразумен. Отдать мою Кизи добродетельному мужчине – это моя мечта.

Так-то ты заговорил?! О лицемер!!!

– Вообще-то, вы о нас ничего не знаете, – серьёзно возразил Садхир. – Я точно уверен, что вижу вас впервые. И лица этих девушек мне совсем не знакомы.

– Какой вы серьёзный молодой человек! – умилился наш дядя.

Но средний из братьев на лесть не купился. И даже руку положил старшему, открывшему рот, на плечо. И на этот раз старший брат ему подчинился!

Садхир строго спросил:

– А вам не совестно отдавать ваших племянниц незнакомцам? Вы только что сказали, что они вам как дочери. И, кажется, отец их умер уже, – мрачно прищурился. – Или... вы их у кого-то украли? Забрали за долги их родителей?! Обманом увели из дома?! Или... они чем-то больны?

Яш испуганно попятился: понял, что этот человек так

просто не отцепится. А я почувствовала невольное восхищение к благоразумному незнакомцу. И вот же, даже старший брат к нему прислушивается в особо важных вопросах.

– Почему вы так себя ведёте? – строго спросил Садхир.

– Но жена бы стирала и готовила для нас! – заикнулся было юноша.

И взвыл, так как за уши его дёрнули уже оба старших брата. Поллав рыкнул на него:

– А ты не лезь, пока старшие разговаривают!

– Простите! – теперь уже юноша смиренно взор опустил.

– Может, объяснитесь? – продолжил упорный Садхир. – Но только говорите честно. А потом мы подумаем, что со всем этим делать.

Дядя вздохнул, замученный его пытливостью и упрямством. Но, впрочем, отделаться от меня с Ишой мечтал не меньше, так что сразу начал объяснять:

– Эти девушки и вправду мои племянницы. Старшая вот очень послушная и добрая...

– Так что ж вы её за первого встречного готовы отдать, если она такая примерная? – ухмыльнулся средний из братьев.

– Да, видите ли... – дядя чуть примолк, потом тяжело-тяжело вздохнул. – Она слишком добрая, потому из-за её заботы навлекла на всю семью осуждение соседей. Она, разумеется, желала только хорошего! Но она... – опять тяжело вздохнул, посмотрел на меня с притворным состраданием. – Она, тогда ещё совсем дитя...

– Так что же она сделала? – резко спросил Садхир.

Значит, он заботится только о добродетельных женщинах и девушках! А дурных презирает! И если дядя сейчас...

Теперь затряслась уже я, ибо Яш вполне мог рассказать возможному жениху такую дрянь обо мне, какую ни один из приличных родственников никогда не расскажет жениху, тем более, в первый час знакомства. Да ещё и выбрав в женихи такого человека, который только что меня унизил! Но, увы, за мной пряталась младшая сестра, а мне самой прятаться было не за кого. Дрянная опора из моего дяди! И защитник из него никудышный! Но я могла только взгляд опустить и смотреть, как колеблется гладь воды от упавших в неё моих слёз.

– Да, потрудитесь объяснить, почему вы так стремитесь передать её любому незнакомцу! – сердито заговорил старший из братьев. – Если хотите нашего внимания, так будьте с нами честны!

И дядя затянул про моё детство и мою глупость, не переставая вздыхать, повторять, что при всём при том я очень милая девочка и даже... заплакал?!

– Кажется, дядя в прошлой жизни был торговцем, – тихо-тихо шепнула мне возмущённая Иша.

Вздохнула. Я запоздало поняла, почему родственники послали именно его нас пристраивать: вовсе не потому, что Яш был единственным братом умершего, да ещё и младшим, а именно из-за продажной и предприимчивой его натуры.

Наконец дядя закончил. И я, замерев, не осмеливаясь поднять взгляд, напряжённо вслушивалась, что же скажут эти мужчины. Согласится ли кто-нибудь из них принять меня после случившегося? Вряд ли. Но... мне всё-таки хотелось оказаться подальше от расчётливого дяди, который совсем не любил меня. Вот только... Иша... что станет с моей сестрой, если один из этих мужчин или какой-то иной меня заберёт? Это же значит, что моя Иша останется совсем одна рядом с этим жутким человеком! Хотя... он ещё в первый день благословлял её охотнее и сразу правую ладонь на её голову положил тогда. Может, он хотя бы о ней, хотя бы немного больше будет заботиться, чем обо мне? О боги, храните мою младшую сестру! Храните её всегда, даже если в обмен вы заберёте всё моё счастье.

– Но она же не легла с ним? – серьёзно встрял в беседу братьев Мохан – и снова взвыл, ощутив на себе жёсткую руку кого-то из старших.

– Всё-таки, девушка с изъяном, – мрачно сказал Поллав. Девушка с изъяном... до чего же больно это слышать! Но ведь я не хотела! О, если бы я в тот день не помогла Ванаве... или тогда бы боги устроили мне какое-то иное испытание? Но, может, меня бы не стал унижать родной брат отца, как теперь.

– Не такой-то и страшный проступок она совершила, – вдруг сказал Садхир.

И я растерянно посмотрела на него. Он... он не презирает

меня? После всего?..

А молодой мужчина в этот миг вдруг посмотрел на меня. И взгляда не отвёл. Лишь горько улыбнулся. И как будто даже сочувственно. И сердце моё вдруг невольно забилося. Радостно. Даже если они уйдут, я буду радоваться, помня, что в моей жизни был хотя бы один мужчина, который не счёл мой глупый детский поступок ужасным преступлением!

И мир снова помутнел от слёз, которые застилали мои глаза.

– Кажется, вы ей понравились, Садхир, – снова подло выступил мой дядя. – Девочка постоянно на вас смотрит. Кажется, она восхищена вашим умом и милосер...

– Я ненавижу льстецов! – оборвал его молодой мужчина. – Давайте обойдёмся без вот этого всего? Я вижу, что вы не слишком-то и уважаете и её покойного отца, так внезапно попавшегося в лапы хищнику, и даже его добродетельную жену, решившуюся пройти через обряд сати. Вы просто хотите поскорее от неё избавиться.

Снова робко посмотрела на него. Его прямота и сообразительность меня поражали. Но... было что-то обворожительное в том, как держался незнакомец. И вот, даже грубый старший брат слушал его мнение, прежде чем принять какое-то важное решение, значит, уважал, по-настоящему уважал его или его ум.

– Так... может... вы и возьмёте её в жёны? – спросил дядя уже прямо, без каких-либо представлений. – Раз вы не счи-

таете её слишком большой грешницей? Раз вы волнуетесь о её состоянии.

– Н-но... – Садхир запнулся.

Значит, не до такой степени заботился о моём состоянии, чтобы решиться опекать меня всю жизнь! Жаль. Но что же поделаться? Я поступила дурно тогда – и теперь вкушаю последствия моих поступков. Но, впрочем, я никогда не забуду, что Садхир отнёсся ко мне по доброму сегодня.

– Я, если честно, не уверен, что кто-нибудь когда-нибудь решится взять её в жёны, – хитрый Яш зашёл с другой стороны. – Да, мои настырные попытки уговорить вас – это позорно для меня, единственного оставшегося мужчины её семьи...

Ага, теперь уже врёт, будто остался единственным из родственников по мужской линии! Очередной довод нашупал, чтобы ущипнуть милосердное сердце Садхира!

– Я собираюсь стать монахом! – возмутился мужчина.

Что?! Он?.. Но тогда...

Камень 5-ый

– Опять ты за старое! – возмутился Поллав.

– Но брат! – рассержено выдохнул средний.

– Вот когда твой старший сын подарит тебе внука, тогда и сможешь с чистой совестью отречься от мира, ибо будет кому помолиться о наших предках.

– Но брат... – не унимался упрямец.

– Тогда... может, я женюсь? – бодро влез Мохан и опять покосился на меня.

Видимо, всё никак не мог позабыть очертания моего тела, облепленного мокрой тканью. Ох, дядя! Хотя хитрец точно рассчитал, что кто-нибудь не сумеет совладать с похотью, если увидит меня в слишком откровенном виде.

– Собираешься жениться прежде своих старших братьев? – мрачно посмотрел на него Поллав.

Юноша торопливо кинулся прятаться за среднего брата, словно тот мог его защитить. Ненадёжный он. Себя не контролирует. Да и ищет защиты у других. Совсем ещё юный. Да, впрочем, и лет ему шестнадцать или семнадцать на вид. Вот Садхиру около двадцати уже, а Поллаву – где-то около двадцати семи-восьми.

– Тем более, что мы не можем позволить себе заботу о нескольких жёнах, – серьёзно заметил Поллав, поглаживая усы. – Жене надобно много украшений купить. Жену ещё

надобно наряжать, – сердито продолжил Поллав, задумчиво глядя куда-то вдаль, – чтобы прилично было показывать её людям. Да и вообще, терпеть женские капризы и истерики...

– Кизи очень спокойная и послушная! – торопливо вставил Яш. – Вот, видите? Стоит, молчит, полностью полагаясь на решение нынешнего главы семьи. Она вас совсем не знает, но готова пойти за вами, если я так захочу. И мужа своего она также верно будет слушаться, как слушалась своего отца и меня. Кстати, мать её совершила сати! И дочери это видели. У них был достойный пример перед глазами.

– Чтобы мужчине хватило крепости выносить все эмоции жены, надобно ему быть уже зрелым, – возразил Поллав.

– И надобно обучение пройти у мудрецов! – радостно добавил Садхир, уцепившись за желание брата прежде как следует подготовиться к браку и дозреть.

– Может, не все мудрецы примут на обучение музыканта, – сердито глянул на него Поллав.

– А разве тяга к мудрости – недостойное дело? – возмутился молодой мужчина. – С чего бы мудрецам выгонять меня?

Старший сердито посмотрел на него и проворчал:

– Вот если по-мудрому, то твоё стремление к аскезам можно осуществлять и в браке, не мучая тем жену, но подавая ей пример достойной жизни. А саньясу принять уже на старости, когда родится или подрастёт твой старший внук. Ведь многие так делают! Хранят целомудрие до свадьбы, в

браке рожают продолжателей рода, а после опять умирят свою плоть.

– Но, брат... – смутился Садхир.

– А так-то, нету у нас зрелости и достаточно средств, чтобы завести двух жён или трёх, – степенно продолжил Поллав.

Он... торгуется?! Он... он намекает, что...

Опять затряслась, вспомнив один из обычаев, принятых у низких варн, да и в горной стране, где у братьев одной семьи не хватало средств, чтобы достойно прокормить нескольких жён и много детей – и они брали одну жену на всех. Но... Поллав настолько меня не уважает, что выставляет моему дяде таких жестокие условия, на которых согласится меня принять в свой род?!

– Вот именно! – бодро сказал второй из братьев. – Не стоит пока всем нам жениться.

А младший и вовсе сник, поняв, что женщины в ближайшее время ему не видать. Разве что за деньги распутную женщину купить. Но ему, кажется, хотелось получить женское тело на долгое пользование, вот как вылезал, что может жениться и на мне. И тоже вот обрадовался, что дядя меня не ценит и готов отдать кому угодно. А Садхиру совсем неохота брать меня в жёны. И не такой-то он и добрый!

Хотя... кому я такая нужна?! Но прошлое уже не перепишешь. Я должна смиренно принять последствия моих поступков в прошлом.

Но мне страшно и очень стыдно стоять так, слушать, как

дядя меня продаёт, как вещь, как говорит про мой изъян, а Поллав будто покупатель приценивается и стремится сбить цену. Будто я как сосуд надтреснутый. Будто камень я исцарапанный. Другие сосуды, что стоят рядом со мною на прилавке, сразу берут и расхваливают. Другие украшения охотно примеряют, хвастаются ими. Меня не замечают. А кто заметит, кто взглянется заинтересованно – тот вскоре взгляд отводит. И смотрит на другие товары. И себе подбирает из них. Но... я сломаюсь от этой трещины насовсем?.. Я смогу хотя бы немного сиять с этой царапиной?.. Но, всё-таки... всё-таки, я понимаю, почему дядя меня так ненавидит. Хотя принять этого не могу. И не могу его простить, что он сам так меня унижает перед первыми встреченными. Ох, если эти не возьмут меня с собой, то дядя же продолжит свою торговлю! Сколько раз ещё я буду стоять, будто невольница, а он – торговать мною? Подумать-то страшно!

– То понимаю, – серьёзно мой дядя кивнул.

– А вот даже если мы и возьмём две жены... что нам совсем сложно сейчас. Даже, в общем-то, невозможно почти, – торопливо исправился расчётливый Поллав. – Так я боюсь за свою жену и жену Садхира! Кровь начала играть у Мохана. Я уж замучался его отгаскивать от продажных женщин. Да и денег самые приличные из них требуют слишком много, чтоб я мог позволить такие расходы.

– Я и сам своею музыкой заработать могу! – возмутился юноша.

Так, значит... они бродячие актёры или музыканты? Ох, дядя! Вы...

– Верно говорит Мохан, – поддакнул Яш, всем своим видом показывая, что даже за бродячих актёров и музыкантов готов меня замуж отдать, – он и сам может заработать себе денег на женщину или на жену.

А когда на Ишу молодой мужчина из бродячей труппы смотрел, то отец и не собирался её замуж отдавать за того! Но дядя это, увы, не родной отец. Дядя совсем нас не ценит. По крайней мере, совсем не уважает меня. Или даже меня он ненавидит. Но, только бы одну меня он ненавидел! Только бы меня, не Ишу!

– А всё же он ещё незрелый, совсем не умеет контролировать свои слова и порывы, – Поллав проворчал, мрачно покосившись на младшего. – Я боюсь, что если я женюсь или даже женится Садхир, то Мохан однажды не удержится – и обесчестит эту женщину. Разве что... нет, это уже слишком! Я даже не смею заикаться, чтоб...

Яш серьёзно произнёс:

– Если бы вы все трое женились на моей старшей племяннице, то она считалась бы женой вам троим, а потому люди бы не слишком сильно осуждали её, если бы Мохан иногда её касался.

Да, как я и боялась, дядя был готов даже на это! Он так сильно мечтал от меня избавиться!

Мне захотелось утопиться прямо здесь.

Но Иша торопливо сжала мою юбку за моей спиной. Потянулась к моему уху и едва слышно сказала:

– Это ужасно, Кизи. Но один из них добрый. Он будет о тебе заботиться.

Ох, моя милая сестрёнка! Если я сейчас утоплюсь, а ты – испугаешься или не сумеешь, то дядя может тебя отдать в жёны этим троим. Но, если я выживу... если я уйду с ними... может, хотя бы тебе дядя найдёт одного мужа и куда более старательно искать будет, чем мне? Ведь в первый день, как пришёл к нам, Яш охотно позволил тебе коснуться его стоп и охотно благословил тебя. Он тебя ценит больше меня. И, если я – главная его обуза – исчезну, то, может, он получше позаботится о тебе? Я буду о том молиться! Я буду молиться всем богам, чьи имена мне известны! Да и... пожертвовать собою сейчас, когда это единственная моя возможность хоть как-то облегчить участь моей сестры... не лучший ли это выбор из всех?

И я робко опустила взгляд, сжав дрожавшую руку сестры за собой, подчиняясь своей судьбе и решению единственного родственника-мужчины, который хотя бы отчасти готов был обо мне заботиться.

– Я готов, чтоб моя Кизи стала женой вам троим. Но, всё-таки, свадьба – это важное событие в жизни женщины, одно из самых важных. И надо её устроить для неё, – поспешно выставил дядя единственное своё условие. – И хорошо бы, чтоб в родной деревне. Чтобы все видели, что нашлись

те, кто готов позаботиться о моей племяннице и впредь, кто считает её достаточно ценной, чтобы взять в жёны.

Помолчав и задумчиво погладив усы и бороду, Поллав серьёзно кивнул:

– Пожалуй, одну скромную свадьбу мы можем себе позволить. Да и приличия требуют того, чтобы вы передали нам свою племянницу со всеми надлежащими ритуалами. Так что основные ритуалы проведём. Да и люди её деревни должны знать, что кто-то взял её в жёны, как и подобает. Чтобы не издевались и не смеялись над нею, когда в будущем кто-то из односельчан встретит её в нашей компании. Особенно, если к тому времени мы не сможем принять в семью вторую жену для кого-то из нас. А люди... ведь иногда как судьба нас сталкивает неожиданно! Так что я уверен, что где-нибудь, на какой-то из дорог Бхарат, мы кого-нибудь из знакомых снова встретим.

– Это разумно, – серьёзно произнёс Яш. – Одна женщина, сопровождающая трёх взрослых мужчин... люди могут всякое подумать.

И задрожала Иша, видимо, вообразив всякие ужасы и оскорбления для меня. Но я уже смирилась. Да и... как сказал тот почтенный брахман, который спас мне жизнь? Его слова врезались мне в память:

«Каждый ваш поступок станет камнем – одним из тех камней, которыми вас однажды забьют, или одним из камней, из которых вы построите храм, оставив его святость и красоту

ПОТОМКАМ».

Я всего лишь слабая женщина. Глупая ещё, потому что не додумалась тогда, к чему приведёт моё решение снять дупатту перед чужим мужчиной и даже отдать ему её.

Сердце замерло напугано.

Ванада сказал, что я буду его старшей женой. А во сне говорил, что ушёл сообщать отцу, что уже выбрал себе невесту. Но, впрочем, то был сон. Только сон. Но... мне ещё сейчас кажется, будто чувствую на своих губах прикосновение его губ... нет, это только сон! Но он даже наяву сказал. И... и, может, тот брахман что-то знал о нём? Он как будто знал что-то о таких украшениях, какое мне оставил Ванада. Если его так зовут. Но стареющий брахман как будто что-то знал. И... и даже сказал, что нечто ужасное случится с жителями деревни, если меня убьют! Может, какое-то зло придёт за ними тогда. То зло... он... он про Ванладу говорил? Ванада... не... не человек?!

– Тогда устроим свадьбу сегодня или завтра, – спокойно сказал Поллав. – Нам ещё надобно торопиться в город к большому празднику. Всё-таки, там больше шансов у нас заработать. А нам теперь потребуется намного больше денег, чтобы должным образом позаботиться о Кизи.

– И верно, – согласился Яш. – Да, устроим свадьбу сегодня или завтра. Основные ритуалы проведём. Позовём священника. Как положено, – дружелюбно улыбнулся. – Позвольте, я вас провожу в деревню.

Вздохнула.

Даже если Ванада когда-нибудь придёт сюда за мной, я ничего уже сделать не могу. Даже если он окажется жестоким воином. Даже если он окажется безжалостным наёмным убийцей. Даже если он окажется демоном. Даже если он меня убьёт в гневе, узнав, что я уже ложилась с кем-то другим и даже стала женщиной трёх мужчин... даже тогда я не пожалею! Моя мать спокойно сидела, когда пламя облизывало её, когда горела на ней одежда, и горели, гадко воняя, её роскошные волосы. И я спокойно отдамся гневу Ванады, когда он придёт за мной. Потому что я сделаю то единственное, что могу сделать, заботясь о моей сестре: я уйду женой этих троих бродячих музыкантов. А дядя, может, чуть добрее отнесётся к моей сестре, когда я уйду. Я буду молиться о том.

– Решено, – добавил Поллав.

– Но брат! – возмутился Садхир.

– Я – глава семьи, – отрезал Поллав.

И его средний брат смиренно замолк. Хотя плечи его поникли. А вот Мохан, понявший, что женщина у него всё-таки будет, в ближайшие дни, да даже жена, к чьему телу он сможет спокойно прикасаться, хотя ему и придётся делить её с другими братьями, заметно повеселел. Кажется, я уже ненавижу Мохана! Да, в общем-то, их всех.

– Но что скажет сама Кизи? – встрепенулся Садхир.

Я растерянно посмотрела на него. А он сочувственно смотрел на меня. Его всё-таки заботило моё мнение и мои

желания. Только его одного.

– А у нас я – глава семьи! – отрезал Яш. – Как я решил, так и будет.

В тот день судьба моя была решена.

Камень 6-ой

– Тогда вы позволите нам коснуться ваших стоп, отец? – сложив ладони на уровне шеи, спросил Поллав.

– О, да! Я с радостью благословлю тебя, сын! – радостно сказал Яш.

– Тогда мы все прикоснёмся к вашим стопам, отец! – добавил старший из моих будущих мужей.

Но он хотя бы уважает старших. И некоторые традиции всё же чтит.

Я первой вышла из воды, чтобы вместе с моими женихами поклониться дяде и получить его благословение. Да и... раз уж старшему и младшему так понравилось моё тело – пусть смотрят ещё. Чтобы им меньше хотелось передумать, когда речь зайдёт о свадьбе. Я буду себя вести бесстыдно, как и Яш. Хотя бы до свадьбы. Хотя бы в надежде отвести от Ишы эту нелёгкую долю, которая выпала мне.

И они смотрели на меня. Жадно смотрели! И старший, и младший! Только Садхир стоял, потупившись. То ли не хотел, чтоб я стала его женщиной, то ли не хотел смущать меня пристальным своим взглядом.

Но, когда мы со старшим братом уже наклонились к стопам Яша – младшие братья почтительно отступили, уважая старших – а дядя уже потянулся к нашим головам, Садхир вдруг резко сказал:

– Пойдите!

И мы с Поллавом, согнувшись, покосились на него. А второй брат сердито смотрел на Яша. И мрачно спросил:

– Почему вы собрались благословить Кизи, положив на её голову левую ладонь?

И мы с Поллавом, приподняв головы, увидели, что так и есть. А дядя смущённо, будто невольно ошибся, убрал руки от нас.

– Вы совсем не уважаете нас, что хотите благословить нашу жену грязной рукой? – проворчал Садхир.

– Ох, простите! Я... – притворно засмутился хитрец.

– Или почтите нашего старшего брата и жену лучшим образом, или мы сейчас же уйдём! – пригрозил добродетельный мужчина.

– Ох, простите! – испугался дядя, которому не хотелось отпускать найденных женихов.

Благословил меня как положено.

В первый же день Садхир позаботился о моём благополучии, не испугавшись ни гнева моего дяди, ни гнева своего старшего брата, которого почитал. Всё-таки, Иша была права: Садхир будет заботиться обо мне. Хотя бы он будет заботиться обо мне. Хотя бы в чём-то мне повезло. Даже при том, что главный мой муж и младший муж заботятся только о своих выгоде и желаниях. Мне всё-таки в чём-то повезло!

Садхир настоял, чтобы мы с Ишой высохли прежде, чем идти в деревню. И на этот раз братья опять послушались его.

И ещё мой добродетельный жених подошёл к Мохану и, отозвав в сторону, о чём-то чуть зашептался с ним. Дядя напряжённо следил за ними, боясь, что передумают. И Иша, заробев, прижалась ко мне. Поллав хранил невозмутимость, хотя покосился на миг на братьев, кажется, ему не понравилось, что у них там какие-то тайны от него. Или не понравилось, что секретничают даже при чужих, будто не доверяют ему?

Вот Мохан улыбнулся, получил ответную улыбку среднего брата. И они вернулись. Младший – к старшему и Яшу. А Садхир – к их повозке, стоявшей поодаль, к свёрткам и инструментам. После Садхир покосился уже в сторону меня и Ишы. Мы, уже подсушенные солнцем, торопливо стали поправлять свои дупатты из простой ткани, чтобы ещё больше прикрыть то, чему надобно быть прикрытым.

А Садхир... у меня дыхание перехватило, когда разглядела две свёрнутых ткани, что он достал из какого-то невзрачного свёртка. Потому, что редко мы видели что-то подобное! Разве что на жёнах и дочерях проезжих господ.

Глаза Яша хищно блеснули, когда он увидел ткань с вышивкой, сделанной золотыми и серебряными нитями. Садхир благодарно улыбнулся младшему брату и, подкинув свёртки, изящно подхватил, не дав упасть на землю. Иша ахнула от восхищения, глядя, как развернулись и заблестели на солнце две шёлковых дупатты, голубая и синяя. Между диковинных узоров, вышитых серебряными и даже кое-где золотыми нитками, меж маленьких кругленьких зеркалец,

отражавших солнце и покрывших меня, сестру и мужчину мерцанием отблесков, блестели разными гранями драгоценные камни.

Младший брат ступил завязывать свёрток, а средний почему-то пошёл к нам, неся роскошные шали. Шёл спокойно, медленно, а ткани, которые он нёс, развевались за ним. Мне отчего-то подумалось, что Садхир ещё и танцевать умеет. Что-то такое проскальзывало в его походке и том, как он подхватил падающие дупатты. Но, впрочем, красивее всего был тёплый его взгляд. Он... он хочет сделать нам подарок?.. Такой... дорогой?!

Пока мужчины стояли наверху, поодаль от обрыва, мы с Ишой прятались от их взоров чуть ниже, между камней, так, чтоб над берегом только наши головы виднелись. И, может, ещё плечи. Пока наши одежды не высушит хорошо солнце.

Садхир спрыгнул с берега и ловко приземлился босыми ногами на один из больших камней. Ткани... не блеск их вышивки и украшений заворожил меня, а то, как их концы извернулись за ним. И как он спрыгнул, присев. Как выпрямился неспешно. Грация дикого хищника, крупного и сильного зверя. Сила, казалось, была даже в длинных, густых его, чуть выющихся волосах.

– Нам как-то подарил их раджа дальнего царства, довольный нашим выступлением, – серьёзно сказал Садхир, подходя к нам и протягивая к нам руки с дупаттами, так, чтобы мы могли снять их, не касаясь его обнажённых рук. – В

тот день мы выступали особенно хорошо. И эти три шали нам раджа подарил для наших будущих жён. Я думаю, что подарить одну для Кизи и вторую – для её младшей сестры – это хорошее решение. И Мохан со мною согласился, – и улыбнулся девушке, прячущейся за мной. Пока ещё могла прятаться. – Точнее, для нашей младшей сестры. Как тебя зовут, моя сестра?

Девушка смутилась и потупилась. Так волновалась, что и слова не могла сказать. И я сказала за неё:

– Её зовут Иша.

– Значит, самую младшую из моих сестёр зовут Иша, – улыбнулся Садхир.

Они так дешёво купили меня! И его братья не уважали меня. Но он был готов позаботиться даже о моей сестре! О той, которую, быть может, больше никогда не увидит, когда после свадьбы мы уйдём. Он... он хороший человек!

– Б-благодарю за заботу о моей сестре! – сказала я, чувствуя, как по моим щекам текут слёзы.

– О нашей сестре, – серьёзно исправил меня добрый мужчина. – Твоя семья – это теперь и моя семья.

Взглянула на него благодарно. Губы у меня дрожали. И я никак не могла подобрать слов. Но он, видя, что я обрадовалась его заботе об Ише, сам радостно улыбнулся. Он... радовался моей радости! Кажется, Садхир по-настоящему радовался моей радости.

– Кизи... – сказал он задумчиво, глядя мне в глаза и не

опуская взора ниже, где подсохшая ткань слишком сильно жалась к моему телу, да некрасиво сбилась от воды. – Жена моя... будущая... – улыбнулся, будто странно ему было говорить слова эти или будто он смаковал их и ощущения, явившиеся вместе с ними, на вкус. – Я бы хотел видеть твою улыбку. А не твои слёзы. Ты... ты можешь улыбнуться для меня?

Робко улыбнулась мужчине. Странно было стоять так близко рядом с женщиной. Чуть царапнули меня края какого-то камня с драгоценной вышивки на дорогих дупаттах, омывавших меня с двух сторон. Или, может, то царапнули меня какие-то новые, неясные ещё чувства, которые его забота вызвала во мне?..

Чуть помолчав, но внимательно глядя на моё лицо, мой будущий муж добавил, тихо:

– Мохан согласился сделать подарок твоей сестре. А Поллав... давайте не будем настаивать? Я не рискнул бы посягнуть на ту дупатту, которую раджа даровал ему.

Едва слышно сказала:

– Это правильно. Не дело злить главу семьи.

– Тем более, что дело идёт к свадьбе, – тихо добавил мужчина. – И он будет главой твоей новой семьи. Оденьтесь-ка? – предложил он нам уже громко, когда Яш и Мохан стали подкрадываться к обрыву, чтобы поглазеть на нас или подслушать, о чём мы там шепчемся.

Да и неприлично было нам столько стоять наедине.

Я взялась за края дупатт – и они, соскользнув по его светлокожим мускулистым рукам, остались в моих тонких пальцах, обсыпая меня и его лицо, его грудь блестками с драгоценных камней и маленьких зеркал. Развернувшись – спокойно взметнулись его длинные волнистые волосы – Садхир перепрыгнул на другой камень. И на другой, через щель. Потом забрался по камням на самый верх.

– Красивый... – тихо-тихо сказала Иша, когда Садхир, забравшийся наверх, и Яш с Моханом отошли опять подальше.

– Добрый, – тихо-тихо ответила я, улыбнувшись. И повернулась к сестре: – Какую шаль ты хочешь?

– Выбери ты! – взмолилась девушка. – Ты старше!

– Но я хочу сделать тебе подарок!

Садхир, на мгновение покосившийся на нас, улыбнулся. Но, впрочем, сразу же отвернулся. Увлёк брата и Яша за собой.

– Пускай наряжаются.

– Ну, тогда... – Иша высунулась из-за моего плеча – и едва не свалилась с камня.

К счастью, успела её подхватить. Садхир обернулся на её вскрик. И Мохан.

– Всё в порядке? – спросил младший взволнованно.

– Всё в порядке, мой господин, – кивнула я.

– Тогда... – Иша торопливо взгляделась в ткань. – Я хочу синюю.

И торопливо цапнула кусок шали, на которой больше бы-

ло вышивки серебряной, да зеркал, а камней драгоценных и нитей золотых – поменьше.

Странное чувство, когда снимаешь обычную дупатту из хлопка, чтобы завернуться в шёлковую, полупрозрачную и такую роскошную, сияющую... как будто не только кожа моих рук покрывается мерцанием, но и что-то внутри. Или вся жизни внутри вдруг замерцала. Всё-таки, как мило поступил Садхир, решив сделать мне и моей сестрёнке подарок! Да ещё из драгоценного дара какого-то правителя! Да ещё и прямо сейчас, когда свадьба даже не состоялась!

Иша первая выплыла на берег, будто красуясь. Или хотела похвастаться перед дядей. Да, может, и вправду хвасталась. А я спокойно взобралась за ней. Потом, спохватившись, сунула ей в руки мою старую, сложенную дупатту, поверх её старой – и стала спускаться за кувшином, что остался снизу стоять на берегу.

– Такая хозяйственная! – умилился сверху дядя.

А Мохан, подпрыгивая, слетел на песчаную полосу, намного обогнав меня. Он тоже двигался ловко. Хотя и слишком резко. Как-то насмешливо или даже хулиганя взметнулись его густые, длинные, выющиеся волосы роскошной гривой за ним. И с кувшином он поднялся быстро-быстро, снова обогнав меня. Обернулся ко мне, насмешливо улыбнувшись:

– Муж должен заботиться о своей жене. А жених – о невесте.

А вначале только пялился на меня! Может, в отместку Са-

дхиру? Или соревнуйся с ним? Или... или Садхиру удаётся вдохновлять младшего брата на хорошие дела? Кстати, когда я посмотрела на камни на его пути, то с удивлением заметила, что воды он ни капли не расплескал, хотя забирался вверх быстро. Ловкий!

– Надо бы нам теперь поторопиться, – подлез дядя поближе к Поллаву, – чтобы успеть всё приготовить. Нам ведь ещё надо священника позвать. И музыкантов. Вы, как бы...

– Странно, наверное, будет нам быть героями праздника, а не играть, – усмехнулся Садхир.

– Насидимся спокойно! – бодро отозвался Мохан.

А старший из них промолчал. И неторопливо пошёл к Яшу. Средний брат, правильно истолковав его желание, сам взялся за повозку. А Мохан пошёл рядом с ним, с кувшином. Второй кувшин Яш подобрал с земли и понёс сам. Но лицо у него было довольное, наверное, думал, что всё это в последний раз, так что можно и потерпеть.

Я пошла уже за повозкой, жмурясь с непривычки, когда зеркальца и камни на драгоценной шали слишком уже резво играли в солнечных лучах и били своими блестками-брызгами в глаза. Иша подошла ко мне и, прижимая к себе старые, свёрнутые дупатты локтём, осторожно чуть сдвинула шаль на мне.

– Так красивее будет, – и радостно улыбнулась, любуясь мной.

– Красивее будет с покрытой головой, – проворчал Пол-

лав, покосившись на нас.

– Ох, верно! – испугалась я. – Я же теперь невеста! – и торопливо подняла верхний край, накрывая им волосы. – Простите, мой господин!

– Она совсем ещё не привыкла! – встряла заботливая сестра. – Но... – и запнулась под мрачным взглядом Поллава. И промолчала напугано.

О, только бы моей сестре боги послали заботливого мужа, который будет беречь её, будто главную из своих драгоценностей!

Сестра, поправлявшая мою шаль, чтобы как-то иначе лёг расшитый золотом край, чтобы лучше как-то находились драгоценные камни – может, вместе с моими глазами – запнулась о какой-то камень. И, вскрикнув, упала.

Разлетелись старые дупатты, на дорогу легли и только краем – поверх её ступней. А кровь из руки разодранной легла пятнами бордовыми на её новую, драгоценную дупатту. И отчего-то сердце моё сжалось болезненно. Будто предвидело что-то нехорошее в новой жизни, которая вскоре укроет Ишу подобно новой её дупатте. Драгоценной и прекрасной, сияющей, но... но так быстро покрывшейся кровавыми пятнами.

– Ничего! – торопливо сказала сестра подскочившему к ней Мохану, протянувшему было ей руку, чтобы помочь подняться. – Ничего, старший брат! Я справлюсь сама! – и, закусив губу, поднялась.

А вдали, на дороге, уходившей за лес и за деревню, далеко-далеко, поднялось облако пыли от копыт нескольких лошадей. Отсюда ещё было видно, как блеснули золотые крупные серьги и драгоценные золотые ожерелья на всадниках, золотые украшения посреди их тюрбанов.

– Это же... – начал Мохан, растерянно взглядевшись в шесть всадников-воинов. Начал и запнулся.

– Спрячьте лица! – рявкнул Поллав, резко обернувшись ко мне и Ише.

Но я сначала кинулась помогать Ише встать. А она торопливо сгребла старые дупатты, ещё подаренные нам родителями. Ещё недавно.

– Живо! – рявкнул Поллав.

А погода неожиданно испортилась. И тучи закрыли солнце.

Пальцы Ишы с правой руки, ободранные о мелкие камни и, видимо, ушибленные, разжались. Она выронила старую дупатту. И, настигнутая резким порывом ветра, ткань с прошлой жизни выскользнула из её рук. И взлетела, поднятая ветром. И взлетели распущенные волосы Ишы, обрамляя её лицо, отчаянно направленное вслед за играющими складками улетающей оранжевой ткани. Один из всадников, ехавший впереди, вдруг повернулся, уловив краем глаза яркое пятно, вдруг появившееся в воздухе. И, кажется, взгляд его лёг туда, откуда вылетела оранжевая накидка. На растерянную Ишу. В чьей левой руке трепетала моя старая голубая

дупатта. Ярко выделявшаяся на фоне сиреневых юбки и чхולי сестры.

Поллав, подскочивший к нам, грубо схватил её и мои новые дупатты и резко сдёрнул их вниз, закрывая наши лица. Кажется, он этих всадников боялся. И вместе с Моханом – я следила за их ногами – к повозке подошёл. И блеснули два изогнутых кинжала в ножнах, выдернутые из свёртка и лёгшие на дно повозки, рядом у рук молодых мужчин.

– Этих ракшасов тут только не хватало! – пробурчал Мохан, но, впрочем, тихо-тихо.

– Ракшасов?! – испуганно ахнула Иша.

Поллав вдруг грубо схватил её за локоть и подтолкнул ко мне. Садхир оглобья повозки опустил. И встал рядом со мной. Поллав быстро извлёк из свёртка третий кинжал в ножнах.

– К-кто это? – испуганно подскочил к нам Яш.

А ветер, изменив направление, швырнул пыли ему в спину. Кажется, те опасные всадники приближались.

– Думаешь, нападут? – шёпотом спросил Мохан у кого-то из братьев.

Ржание лошадей приближалось.

– Точно! – ахнул вдруг Садхир. И полез вдруг отвязывать с ручки вины какой-то шнурок.

Чуть приподняв голову, подсматривала за ним из-за шали. К счастью, полупрозрачной, всего лишь укутавшей мир в голубую дымку, кое-где и вовсе закрывая изгибами узоров

или зеркальцами да камнями вышитыми.

Шнурок, свитый из серых и синих нитей. Или... шерсти? Что это за материал? Так сразу и не пойму. А посреди подвеска: клык тускло-зелёный неизвестного зверя. А, нет, камень скорее. И залитый в золото, овальной формы. Камень в форме клыка чуть выступает из золотой основы, будто коготь. А узоры на золоте... как будто я уже видела где-то что-то похожее?..

– Ты уверен? – мрачно, но тихо спросил Поллав.

– Попробовать стоит, – серьёзно ответил ему брат. И топорливо повязал шнур себе на шею, снизу от бус из рудракши.

А стук копыт приближался. И новое облако пыли, выбивавшееся из-под копыт их скакунов, ветер швырнул в нас.

Сестра задрожала и испуганно прижалась ко мне. Вместе с дупатой голубой, родителями подаренной, смятой уже сильно, в дорожной пыли и даже в крови Иши. А мои женихи встали иначе, у повозки, так, чтобы сразу и не разглядеть кинжалы, лежащие между свёртков и скрытые за их спинами.

Мучительные мгновения тишины. И резкое ржание почти над моей головой, разорвавшее тишину и заставившее меня вздрогнуть.

Ещё крепче прильнула ко мне сестра. А шесть лошадей остановились возле нас. Я подглядывала за ними из-под шали, из-под пересекавшей моё лицо золотой каймы и густой

вышивки над ней. И сама вздрогнула, заметив, что один из всадников направил свою лошадь прямо к нам.

– А тут красивых девушек прячут, я погляжу, – насмешливо сказал один из воинов-всадников. И блеснули на солнце, пролезшем чуть из щели между туч, большие, круглые подвески его золотых серёг.

Тут уже братья выхватили своё оружие. И многозначительно вытянули хищные, острые лезвия из ножен.

– На драку нарывааетесь, о презренные? – мрачно уточнил один из спутников главного, подобравшегося так близко ко мне и Ише.

Поллав почему-то покосился на среднего брата. Дядю было вообще не видно. Вот только что рядом был – и уже нет. Под телегу, что ли, забился?!

– За своих женщин мы будем стоять до конца, – твёрдо сказал Садхир, смотря прямо в глаза тому из кшатриев, кто держался впереди от своих, ближе к трём кинжалам музыкантов.

– Да что-то уже убежало у вас! – насмешливо отозвался тот самый резвый и болтливый из воинов, задумчиво подняв руку левую, чтобы потереть усы и бороду.

Потереть... улетевшей дупаттой сестры!

Ткань, бодро-оранжевая, длинная, свисала от его лица и по боку его лошади. И до земли. И Иша, чуть взгляд скосившая по земле, заметила оранжевый край знакомой ткани, лежащий у конских ног на земле. Той, подаренной ещё жи-

выми отцом и матерью. И, видимо, не в силах расстаться с одним из последних напоминаний о людях, которых не стало, да ещё и так внезапно, ещё и недавно, вдруг отлепилась от меня – и рванулась подхватить край дупатты из-под конских копыт.

Она не решалась смотреть наверх, потому и не видела, что другой край её шали уже держит вооружённый кривым мечом незнакомец, слишком толстыми золотыми украшениями обвесившийся. Она рванула, отчаянно рванула край дупатты на себя, а мужчина лишь улыбнулся, не отпуская. И тогда, не понимая, отчего шаль не идёт обратно к ней в руки, шаль такая родная, хотя и измазанная уже в грязи дорожной и её крови из ободранной руки... тогда глупая Иша подняла голову и взгляд туда, куда уползал оранжевый край. И новая, роскошная дупатта, не поддерживаемая ничем, соскользнула с её головы. Соскользнула по длинным распущенным волосам. По плечам её соскользнула, падая уже своим концом, роскошным и блестящим, в дорожную грязь.

Когда блестящая драгоценными нитями, маленькими вышитыми зеркалами и камнями драгоценными шаль стала спадать, воин напрягся, да подался вперёд. Скрытое всегда привлекает взор сильнее открытого. Особенно, когда вдруг выпадает возможность подсмотреть.

Но, когда соскользнул по волосам край с золотой каймой и вышивкой из завитков диковинных цветов, меж которых блестели камни и зеркальца, когда соскользнул по плечам и

по груди вниз, обнажая испуганно сиявшие глаза моей сестры, кшатрий на лошади вдруг застыл, разглядев её лицо. И то ли глаза испуганные зацепили его, то ли бледное лицо, украшенное драгоценным блеском тёмных глаз Ишы.

Девушка испуганно застыла, наполовину обнажённая. Лишь половина дупатты осталась, обёрнутая вокруг талии и груди, грудь, взволнованно вздымавшуюся, обвивавшая туго каймой с вышивкой золотой, да с искрами камней драгоценных и зеркал круглых, маленьких, уже свободно стекающих с тёмной тканью вниз, в складки посвободнее. Взгляд мужчины соскользнул с лица на грудь, покрытую блестящей тканью и драгоценной вышивкой. Шумно выдохнула несчастная девушка, отчего ткань и грудь как-то резко и неприлично уж поднялись и опустились.

Поползла вдруг яркая, старая, простая дупатта из разжавшихся пальцев засмотревшегося мужчины. Но, впрочем, через миг уже, свесившись с седла, незнакомец подхватил оранжевый край. Резким движением поднял дупатту с земли, встряхнув, да никак с лошади не свалившись, будто только и делал днями целыми, что скакал на лошади, да висел в изогнутых, странных позах. Он даже тюрбан с головы своей не потерял! Хотя, казалось, естественно было бы тому упасть при таких-то выкрутасах носившего его. Воин дупатту встряхнул – и облако пыли дорожной окутало Ишу. И она отчаянно чихнула, от мелких крупниц грязи задыхаясь.

И отчаянно, потерянно как-то сжалось моё сердце. Будто

сказало, что так же, как вывалялась новая роскошная шаль Ишы в дорожной грязи, так и жизнь новая моей сестры будет в грязи вываленной. И, наверное, из-за него. Из-за этого мужчины, который смотрел, усмехаясь, как несчастная моя сестра сморщилась и зачихала от пыли.

Его спутники, тоже воины, с хищно загнутыми мечами в ножнах, украшенных драгоценными камнями, лошадей своих дёрнули за уздечки. И выстроились вокруг нас, окружая.

Камень 7-ой

– То, что мне в руки попало, я уже не выпускаю, – насмешливо произнёс самый говорливый из воинов, спокойно выпрямляясь – и снова тюрбан его оказался на месте своём, даже не сдвинувшись. – Но вы, прекрасная незнакомка, как я посмотрю, тоже ничего из своих рук выпускать не хотите?

Тут только дёрнулась Иша – и совсем уже сползла её новая дупатта, уже и с груди – и тут только заметила, что другой край оранжевой шали цепко сжимает в своей правой руке. А мужчина, когда шаль роскошная и по груди девушки сползла медленно, обнажая обтягивавшее её простое сиреневое чхولي и заметную над ним ямку между оснований полукружий, шумно выдохнул, нервно как-то.

И вдруг, мрачно прищурившись, дёрнул за подхваченную ткань резко-резко. Едва не упала Иша, но край подарка родительского не выпустила.

– Смотри, брат, какая цепкая женщина! – хмыкнул один из его спутников, помладше, но уже солидно бородатый или же лицо прятанный в густой бороде. – Как ухватится за тебя – так и не отцепится!

А тот, кого он братом назвал, вдруг рванул шаль злосчастную на себя, мощным рывком. Вскрикнула Иша, но пальцев не разжала. Оторвалась вслед за тканью от земли, а ловкий воин подхватил её, за пояс юбки, да поднял к седлу.

– Говоришь, что я проиграю какой-то жалкой женщине? – проворчал он. – Никогда я ещё не проигрывал женщинам!

Затряслась несчастная, которую он держал. Я отчаянно вцепилась в запястье Садхира. Словно он помочь мог. Он, музыкант, один против шестерых кшатриев! Или с братьями: тогда трое против шестерых. Но всё равно жутко. Ох, а стоит ли?.. Но тогда они увезут мою Ишу! Или тут же, женихов моих искалечив или даже убив, сестру мою несчастную на глазах у меня обесчестят!

Виновато посмотрел на меня Садхир. Мрачно глазами сверкнул на него Поллав, когда осторожно средний брат его поднял руку вместе с моей, державшейся за него, к своему странному украшению с камнем, выточенным в форме клыка.

– Я попробую, – тихо шепнул мне Садхир.

Робко руку свою убрала. И задрожала, поняв, что так я лишь ускорила смерть отзывчивого молодого мужчины. Но он...

В драку не кинулся Садхир. Лишь сжал украшение своё свободной рукой. И как-то странно молвил он, тихо, но твёрдо:

– Тот, кто волосы свои первые умыл в крови врага своего. Тот, кто разорвал дикого тигра надвое голыми руками. Тот, кто имя своё не прячет, потому что не доживают враги его до того, чтобы услышать его...

– Что-то мантра у него чудная какая-то! – фыркнул один

из всадников.

– Тот, кто родился – и принёс вслед за собою дождь...

Я вздрогнула от последних слов музыканта: мне почему-то вспомнился первый мой жених и имя его. Да, впрочем, был ли он моим женихом? Он так быстро ушёл! Он меня не защитил от ударов камней в тот день! Ваната...

– О Ваната! Твой друг взывает к тебе!

Потерянно повернулась к Садхиру. А тот продолжил бормотать:

– О Ваната! Твой друг просит тебя о помощи!

Солнце совсем уж заслонили облака. И как-то внезапно день ясный померк. Грянул гром – и молния небо расколола надвое, а потом – ещё пополам. И ещё на несколько кусков. Ветер усилился, едва не сорвав и мою дупатту – я смогла удержать её лишь потому, что торопливо вцепилась в неё, чтобы не открывать злым кшатриям своё лицо.

Несколько мгновений ничего не было.

А потом вдруг ливень хлынул внезапный, вымочив всю нашу одежду. Да в грязи ноги наши да копыта лошадей чужих утопив. Сильный ветер дул яростно, словно сбить нас хотел с ног. От нового громового раската мы едва не оглохли. И молния новая едва не ослепила нас.

А когда глаза мои чуть оправились от ужаса и от резкого ослепительного света, между громовых раскатов, между дождевых струй, ставших тонкими-тонкими, послышалось ржание коня.

И воины, и женихи мои, и мы с сестрой оглянулись невольно.

На дороге возле нас появился чёрный конь. Да всадник на нём, одетый в чёрные дхоти с золотой каймою, кутался в чёрный плащ. Да тюрбан на его голове был чёрный. Только вместо драгоценных камней или золотого украшения на нём были нашиты спереди по центру несколько клыков разных форм и размеров, беловатые, желтоватые и... и чёрные?.. Или то просто камень, обточенный в форме зубов диковинного зверя и отшлифованный гладко-гладко? И три нити жемчуга – две слева, а одна справа от него – нашиты. Густые, длинные волосы, которыми заиграл ветер, заслонили от нас его лицо. Но...

Но это странное ожерелье у него на груди, из золотых монет и трёх разных клыков на шнурах-подвесках, я сразу признала. И замерла, оробев. Глаза торопливо отметили и серьгу серебряную, с подвесками-цепочками из двух клыков. И широкий золотой браслет на руке, державшей поводья, со впаянным в него огромным клыком, чуть выступавшим над запястьем, будто коготь. И... и сердце совсем замерло, увидев, что дхоти чёрные всадника поддерживал пояс из клыков, переплетённых кожаными шнурами. Да по бокам с пояса свисало много-много шнуров разной длины с разными-разными клыками, привязанными к концам их.

Заржал конь чёрный-чёрный, поднявшись, задрал высоко копыта. Взметнулись подвески с пояса всадника, будто хво-

сты. Но Ванада усидел. И, сжав бока коня босыми ногами, заставил его успокоиться и снова к земле прильнуть уже четырьмя копытами.

– Давно не виделись! – жуткий кшатрий, повернувшись к Садхиру, поднял руку ладонью вперёд.

– Ну уж и давно! – ухмыльнулся тот.

– Да ты, никак, в длину уже вытянулся, – ухмыльнулся Ванада. – Уже не тот щуплый мальчишка.

– А твои штуки всё те же, – фыркнул молодой мужчина. И выпустил подвеску странную из рук.

Задумчиво покосился воин, одетый в чёрное, на странное украшение Садхира с камнем-клыком. Потом задумчиво осмотрел шесть всадников, окруживших его знакомого. На Ишу, потерявшую новую дупатту, но всё ещё упорно цепляющуюся одной рукой за старую. Улыбнулся как-то странно. Меня вспомнил?..

Сердце моё забилося бешено-бешено.

Ванада... вот и свиделись мы снова с тобой! Но... ты тогда за меня не вступился! Гроздя камней, в меня брошенных, ранивших, словно гроздя моих обид, налепившихся к моей душе. Хотя ты и явился сейчас. Случайно ли дороги наши пересеклись сегодня или ты явился на слова странные Садхира? И слова те были заклинанием?.. Но кто тогда ты, отозвавшийся на эту странную, жутко звучащую мантру? Человек или... бог?.. Только бог из тебя, закутавшегося в чёрные одежды, да украшенные разноцветными чьими-то клыками,

хотя и белыми в основном... бог из тебя какой-то жуткий. Или... или, всё-таки, демон?

Ванада шумно принялся.

Новый раскат грома оглушил меня. И новая вспышка молнии была ужасающе яркой. Только я скорее почувствовала, чем сумела увидеть, что жуткий всадник сейчас обернётся. И голову опустила низко-низко, пряча лицо под каймой драгоценной дупатты.

Должна ли я снять мою шаль, открыть своё лицо, чтобы он узнал меня? Он же первый сказал, что я стану его женой. Его старшей женой. Да какое дело, чего он обещал мне тогда?! Меня едва не забили камнями, но не он спас меня тогда. Со всем не он. Мне больно было в тот день. Больно было телу, забитому камнями. Больно было душе в ночной темноте, от мыслей, что он назвал меня своею невестой, но спокойно забыл и ушёл. Да и... а запомнил ли он тогда меня, обычную, глупую совсем девчонку, да ещё из вайшыю?

И оттого я голову опустила совсем низко – и он не увидел моё лицо. Или не захотел? Или... или мой запах заглушили в тот день струи дождя, омывшие всех нас?

– Он оскорбил мою сестру! – Садхир гневно указал на кшатрия, всё ещё державшего цепко-цепко несчастную Ишу. А за тою вилась ослепительно яркая старая дупатта, которую девушка упрямо не хотела выпускать.

– В тот раз сестра у тебя была иная, – ухмыльнулся Ванада.

– Моя сестра умерла, – грустно потупился мужчина, голову уныло опустил. Нервно сжались пальцы его на рукояти кинжала, цепко-цепко.

– А сегодня оскорбили сестру его невесты! – торопливо сказал Поллав, сообразивший, что от жутко одетого незнакомца может прийти помощь.

В конце концов, незаметно явившийся вслед за дождём тоже был кшатрием. И ножны меча держал уверенно. И язвил уверенно. А лучше уж воину против воинов сражаться, чем музыкантам с оружием лезть к тем, кому позволено носить оружие, кто с детства тренировался драться, защищаться или нападать. Хотя и одного отпустить против шестерых... но Поллав то ли не думал, что не дело призывать внезапно явившегося знакомого Садхира к неравному бою, то ли полагался на него. То ли ему было наплевать, что одинокого защитника могут убить?

– Отпусти её! – сказал, нахмурившись, Ваната незнакомцу.

Ветер уже иначе дул, открывая сердитое лицо внезапного заступника, словно воле его повинуюсь.

– Что мне в руки попало, то уже не отпущу! – упёрся кшатрий.

И Ишу рванул, затаскивая её на седло.

И выскользнула из задрожавших пальцев руки, перебитой и задевшей пояс, старая простая дупатта. И вся уже упала под конские копыта. Поверх дупатты новой и роскошной,

покрытой разводами грязи, словно надежды Ишы на новую счастливую жизнь, возможную когда-то. И старая дупатта, подарок наших умерших родителей, вся уже запачкалась в грязи.

Гром грянул такой жуткий, словно на небе сердились боги. Словно ругались за любимую шаль Ишы, вывалянную в грязи. Или за честь сестры моей поруганную, за то, что отобрал невольной и нарядную дупатту у Иши дерзкий незнакомец. Или... или тот гром был предвестником большой беды?!

Ванада достал меч из ножен, усыпанных мелкими и крупными рубинами, словно кровавыми каплями, с кровавым пятном на рукояти. А, нет, с рубином, по которому запоздало сползала чья-то кровь, недавно вымочившая его. Или старая, подсохшая, но дождём отмытая. Или... старая кровь бы не смогла?

Заржал злобно чёрный-чёрный конь.

И в отблеске молнии, в бликах от света её, скользнувших по обнажённому, загнутому мечу, мне показалось, будто не зубы были у чёрного коня, а острые клыки и два, по бокам, чуть длиннее, словно у хищника.

А дерзкий воин одной рукой выпустил поводья, да цепко прижал к себе вымокшую насквозь, дрожащую от ужаса Ишу. И рукою же перехватил заодно и ножны. А левой рукою выхватил из них свой меч. Конь его было взвился на дыбы – и отчаянно заорала моя сестра, боясь свалиться – но хозяин

твёрдо и, может, жестоко даже, сжал бока коня своими ступнями. И тот, звук тише, жалобно уже издав, смирился.

Напрягся конь Ванады и вдруг... скакнул. Да перескочил через двух всадников. Да через телегу и трёх моих женихов заодно. И прямо перед наглецом, задумавшим Ишу похитить, опустился.

В слепящем блеске молнии сошлись два клинка.

Я смотрела туда, век не смыкая, стараясь держаться, несмотря на яркий свет. И запоздало отличила силуэты двух всадников, яростно сражавшихся. И робко прижавшуюся к дерзкому воину Ишу, пытавшуюся отойти подальше от хищно клацавших и звеневших изогнутых мечей.

Ванада сражался спокойно, будто ослепительные вспышки молнии ему не мешали. Будто жуткие отблески света на клинках совсем не мешали ему. Будто... будто он привык жить среди ослепительного пламени или шныряющих по небу молний. А противник его зажмурился от яркого света. И с закрытыми глазами уверенно двигал мечом. Тряслась от ужаса Иша, боясь, что этот кшатрий зацепит её, не глядя.

Ванада... он был ужасающе прекрасен в этот миг!словно какой-то дэв, отвечающий за битвы или ненастье! Или асур, который с самого рождения видел битвы и рос ради битв, и ни о чём другом не думал, кроме как о победе! Или... нет, воином-то он был определённо. Хотя и казалось, будто громовые раскаты и молнии нарочно подыгрывают ему и помогают. Почему?..

Вот он, ухмыльнувшись, приподнялся, вскочил вовсе на круп своего коня. Мы запоздало заметили, что седла на коне его не было. А он, легко удерживаясь на мокрой спине коня, под дождём, наклонился. Замер напряжённо его соперник, не услышав нового звона меча врага или не почувствовав его прикосновения. И новый раскат грома так кстати для Ванады прозвучал. А Ванада, нагнувшись и как-то удерживаясь поверх своего яростного зверя, подхватил тюрбан своего соперника концом меча за украшение, поднял.

Соперник, почувствовав, как уползает честь его мужская, глаза растерянно распахнул. И яростным светом молнии в них полыхнуло. Он взвыл от боли. А Ванада, нагнувшись, подхватил Ишу за юбку, да перехватил её под мышкой, пальцами придерживая ножны. И приземлился, оседлав опять своего коня. Конь его злобно заржал, словно над соперником насмехаясь. Хотя... может, так и было?

Распахнул обкраденный воин глаза опять, привыкая к полутьме дня, неожиданно омрачённого грозой и ненастьем. А чёрный конь как раз напрягся, оттолкнулся копытами от земли, взвился в воздух и приземлился далеко от чужих воинов. И захохотал его всадник как безумный, потрясая на кончике своего меча чужим тюрбаном.

– О, единоутробный брат червя и сын плешивой гиены, как ты посмел украсть мою женщину и мой тюрбан?! – разъярённо проревел проигравший. – Я срублю твоё естество и оставлю гнить в навозе! Я вырву твой поганый язык из тво-

его рта и утоплю его в канаве!

– О, благочестивый сын визгливого попугая, я возьму сам твою женщину! – ухмыльнулся Ваната.

Да как он?.. Он...

Садхир выронил ножны от своего кинжала, чтобы ухватить меня освободившейся рукой.

– Но моя сестра! Он мою сестру... – я отчаянно рвалась из его крепкой, жёсткой руки, рвалась спасти мою драгоценную и несчастную Ишу.

– О, мерзкий выродок навоза гиены, я сейчас вырежу все твои внутренности вместе с твоим гнилым сердцем! – проорал злобно проигравший, потрясая мечом. И погнал свою лошадь к Ванате.

И спутники его, выхватывая мечи, погнались за ним.

Ваната ударил своего коня в бок пяткой – и тот, жутко заржав или... ээ... зарывав?! В общем, зверь быстро-быстро поскакал прочь. Ваната быстро спрятал меч в ножны.

– Испугался, о, муж суетливой обезьяны?! – возликовал его преследователь. – Убегаешь?!

А Ваната подхватил одною рукой Ишу и... и вдруг швырнул её, на скаку, ничуть не напрягаясь, прямо с дороги, да над обрывом, да над песчаной полосой, прямо в реку. Отчаянно верещавшая Иша пролетела длинной-длинной дугой в сторону и бултыхнулась в реку.

– Нееет!!! – отчаянно заорала я.

– Ты убил мою женщину, похотливый шакал!!! – заорал

его преследователь.

Но в воду не полез, пытаясь её спасти. А вместе со своими спутниками кинулся в погоню, грозно потрясая обнажёнными мечами и яростно вопя.

Дрожа и задыхаясь от слёз, я упала на колени.

Сестра моя! О, бедная сестра моя! Драгоценный лотос моей радости, выросший в грязи моей протухшей добродетели и мрачной жизни!

Дождь внезапно закончился. И между раскатов грома отчаянно прозвенело лезвие кинжала, упавшее по колесу повозки. Садхир, выбросивший оружие, отчаянно метнулся к реке. Мохан кинулся за ним.

Поллав замер, сердито кусая губу. Потом сердито пнул колесо повозки – из-под нее взвизгнуло испуганно мужской голос – и, сердито всадив свой кинжал обратно в ножны, а заткнув за пояс, бросился вслед за братьями.

Я сидела, рыдая, коленями в луже грязи. И концы моих волос свисали, утопая в грязи.

Моя Иша! О, драгоценная луна, освежающая мои глаза и моё сердце нежным прикосновением своей улыбки. Как я буду теперь без тебя? Как?!

Из-под повозки выполз мой дядя. Как он, такой высокий и широкоплечий, так незаметно сумел притаиться там? Видно, лежал, дико скрючившись и не дыша.

– Они ушли? – Яш огляделся.

Внимательно взгляделся на дорогу, ведущую к деревне. В

конец дороги, ведущей в сторону, противоположную от неё.

Сильный ветер обнажил вдруг светлое небо. И со светом солнца, и со светом яркого сочного неба, вокруг стало светло. Намного светлее. День опять заступил в свои владения. И солнце грело, застыв ровно посреди неба. Солнце сушило грязь на старых, простых дупаттах и одной роскошной, лежащих на дороге.

– Они ушли... – дядя облегчённо выдохнул, радостно поправил своё дхоти. – Как хорошо, что всё хорошо закончилось!

Подняла потрясённый взгляд на него. Он взглянул на меня, уже заметив, как на коровий навоз, в который внезапно наступил. Нет... коровий навоз дарит тепло. А Яш посмотрел на меня как на собачье дерьмо, лежавшее у его ног и внезапно испачкавшее его.

Я взвилась с земли, будто кобра, и яростно вцепилась в его шею свои пальцами.

– Ишу убили! – прошипела я сквозь зубы. – Мою сестру убили!!! А ты смеешь говорить, что всё хорошо?! Ты творишь адхарму!

Но он был мужчиной. Брат отца, который должен был стать моим заступником. А я, теперь уже единственная из его племянниц, единственная выжившая из семьи его старшего брата, была всего лишь слабой женщиной. Поэтому ему не стоило большого труда отодрать меня от себя, резко наступив мне на пальцы ног и извернувшись, вцепившись зубами

в мою руку. Он страшно ударил меня по лицу, сшибая с ног. На живот мне наступил, мешая встать. И пнул по голове. Я отчаянно орала, извивалась. А он бил меня ногами.

Вскоре ноги его и белое дхоти испачкались в грязи и крови, выползшей откуда-то с меня. Вскоре все мои волосы и вся моя одежда были вымазаны в грязи.

– Убить меня хотела, мерзкая девчонка?! – прошипел с ненавистью Яш.

Сердито выплюнула:

– Ты творишь адхарму!

И закричала от сильного удара ногой в живот.

– Учить меня вздумала?! – свирепо выдохнул мужчина. – Ты, опозорившая свой род, учить меня вздумала, что есть дхарма, а что – адхарма?!

С ненавистью посмотрела на него снизу вверх. Сил встать не было. Всё тело болело. Как тогда, когда меня камнями били.

Мне было всё равно, что разъярённый дядя может меня убить. Мне незачем было теперь жить. Я осталась одна! Но я не могла простить ему то, что он так радовался, отделавшись от моей сестры! Я не могла умереть так просто! И я отчаянно царапалась. Я даже отодрала кусок плоти с его ступни, откусив вместе с кожей и мясом. Вместе с его поганой кровью. Но он мстительно ударил меня по лицу другой ногой – и я от боли его ступню выпустила. Упала на бок. Он пнул меня по спине – и кусок его плоти выпал из моего разжавшегося

рта. Вместе с его мерзкой кровью. Кровью, похожей на кровь моего отца, но отличавшейся от неё так же, как благородный жемчуг отличается от шакальего дерьма.

– Бить меня вздумала, мерзкая дочь гиены?! Удушить меня хотела?! – орал, разбрызгивая слюну, младший брат моего отца. – Да как ты посмела?!

Яш ударил меня посильней. И, вскрикнув, изогнувшись, переворачиваясь на спину. А он занёс надо мною подхваченный кинжал, целясь мне в глаза. Потерянно смотрела на острое, изогнутое лезвие, которое он готов был направить на меня.

Но вдруг мужчина задрожал, глаза выпучив. На колени вдруг упал. А лезвие чужого кинжала обежало его шею, оставив по ней кровавую полосу, застыло у его горла, острое.

– Боишься, о сын гиены?! – прошипел стоявший за ним.

Приподнявшись на локтях, я увидела, что за ним стоит Мохан с бешено горящими глазами. И, судя по тому, что он держит лезвие у горла Яша, он не собирается его защищать.

– Убить мою женщину захотел?! – с ненавистью выдохнул молодой музыкант сквозь зубы.

Локти мои поскользнулись на грязи – и я упала спиной в лужу. Сил подняться уже не было. И желания жить уже не осталось. Веки сомкнулись устало. И громкая, резкая брань сбоку от меня слилась в один гул голосов.

Камень 8-ой

– Бедная девочка! Что же эти разбойники с тобой сделали! – причитали надо мной.

Открыла глаза опухшие. И не сразу смогла различить лицо седовласой женщины, склонившейся надо мной. В оранжевом сари и с украшениями из рудракши. Ох, да ведь это же та почтенная женщина, жена отшельника, что подарила маме украшения, в которых она взошла на погребальный костёр с отцом.

– Очнулась, милая, – ласково сказала женщина, ввергнув меня в растерянность.

Почему она так нежна со мной? Она же смотрела с презрением на меня эти годы! Разве только матери моей помогла. Но, хотя бы она...

– Вы можете нас оставить? – спросил откуда-то сбоку молодой мужской голос.

– На чуть-чуть если, – строго сказала женщина, вставая. И куда-то ушла.

Лёгкий шорох её одежды. Долгая и жуткая тишина. Я попыталась сесть и застонала, падая обратно на мою постилку, на твёрдом полу постеленную. Обратно избитым телом на земляной пол.

Дрожащими пальцами Мохан осторожно сдвинул волосы, прилипшие к моей щеке. Легонько, почти не касаясь моей

кожи. И это было не больно, хотя и всё ещё страшно.

– Бедная! – выдохнул молодой мужчина огорчённо. – Что этот сын шакала с тобой сделал!

Он... не собирался меня насиловать? И... не хотел избить?

Растерянно заглянула ему в глаза. Юноша грустно смотрел на меня. Мохан... на моей стороне? Только...

– Я... я так ужасно выгляжу?

– Я испугался, что он забил тебя до смерти, – признался Мохан – и губы его задрожали. Я так долго звал тебя, пока Поллав держал его! А ты лежала неподвижно и не отвечала! А когда... когда я поднял тебя... мои руки были в крови... – и задрожал от ужаса, вспомнив.

Поллав там был. Два музыканта были там. И... и старший из братьев держал дядю! Но...

Рванулась к нему, сжав его ладонь – и юноша в первое мгновение даже напугано попятился от меня, а я застонала от резкой боли в спине. И упала обратно. Поймала его руку.

– Моя сестра... она... что с ней?..

– Садхир и Ванада ищут её. По двум берегам реки.

Они... ищут её? Или...

Губы мои задрожали, а глаза заволокло слезами.

Или ищут её тело. Да, скорее всего, если найдут, то только тело. О, моя бедная сестра! Только... только если они найдут её тело... хариалы живут в реке. Они вылезают на берега только когда собираются разводиться, но их зубастые морды

иногда выглядывают из воды и смотрят на людей. Длинные, узкие, зубастые морды, с бугром на носу. Люди совершают омовение у берегов. Но Гангу никто не решается переплыть. Мало ли. Только на лодке разве что. А вдруг они нападут на Ишу, если течение снесёт её к середине реки? Или сожрут, если утонет и погрузится на дно? Тогда я даже тела не увижу её!

Застала от жуткого воспоминания. Тот страшный миг, когда Ванада поднял её и швырнул, далеко-далеко, со склона в воду...

Резко села, позабыв о ранах. И даже вскочила на перебитую ногу. И, покачнувшись, упала. Почти. Только Мохан змеёй подскочил и успел поймать меня в объятия. И крепко прижал к себе.

– Ванада убил её! – кричала я, вырываясь. – Он швырнул её в реку!

– Ганга дэви не посмеет убить её! – возмутились в стороне.

Голову повернула и увидела незнакомого парнишку, мрачно смотревшего на меня из маленького окна.

Миг – и он уже переступил порог дома. Моего отчего дома. Невысокий – мне с Моханом был бы по грудь – худой, густа грива спутанных волос, перевязанных шнуром с... застыв от ужаса, смотрела на подвески на шнурке, которым он собрал волосы. Из... из клыков змеиных! Ожерелье из клыков небольших хищников, переплетённое шнурками из раз-

ноцветной шерсти, обычной и крашенной. К поясу поверх тёмно-синих, почти чёрных дхоти крепится кожаный пояс из шнуров. И по бокам свисают их концы разной длины, снизу которых крепятся змеиные клыки. Разве что в ушах его были серьги обычные, золотые. И не слишком большие, что уж странно было для его дикого наряда. Он спокойно переступил босой ногой через порог. Под ногтями у его пальцев была грязь, а на ступне – рваная кровавая полоса.

– Дэви Ганга не утопит её! – серьёзно произнёс странный парнишка. – Она Ванаде кое-что задолжала. Она не посмеет...

– Стой, где стоишь! – возмутился Мохан и вдруг из-за пояса за спиной выудил изогнутый кинжал. – Не пристало мужчине входить в дом к девушке!

– И это мне говорит мужчина, стоящий внутри чужого дома? – ухмыльнулся незнакомец, обнажая ровные зубы с чуть выступающими и криво повёрнутыми резцами. – Да ещё и орёт мне, чтоб выметался, обнимая её?!

– Я её жених! – прошипел Мохан.

– Да слышал я, слышал! – фыркнул юный хам. – Вы её будете делить одну на троих! – мрачно сощурился и выдохнул сквозь зубы, отчего голос его стал сильно походить на шипение змеи: – Наверное, они первые её поимеют. Насладятся ею твои братцы. А ты-то уже потом!

– Сгинь, ракшас проклятый! – разъярился Мохан, одной рукой придерживая меня, а другой мрачно потрясая кинжа-

ЛОМ.

– Н-е-е-т, – насмешливо протянул странный юноша, – я не ракшас. Я существо иных кровей, куда более благородное и смышленное.

– Если ты смышленный – выметайся! – проорал Мохан. – А не то зарежу!

– Ой-ой! Напугал! Обгажусь счас от ужаса! – съязвил дерзкий гость.

Откуда он выудил два изогнутых меча, я так и не поняла. За спиною, что ли, ножны носил?

– Я дерусь, едва начал ходить, – мрачно ухмыльнулся дерзкий незнакомец. – Я уже столько зарезал и... – мрачно сощурился. – И загрыз. Пожалуй, столько же, сколько волос на твоей голове. А то и больше.

И так он это произнёс, что я почему-то поверила, что этот юноша спокойно может впиться в глотку кому-то своими зубами, слегка желтоватыми и с острыми режцами. Но...

– З-зарежу нахала! – Мохана затрясло от гнева.

Торопливо сжала запястье руки младшего жениха, той, в которой он держал оружие.

– Подождите, мой господин!

Юноша посмотрел уже на меня, проворчал:

– Мне не по себе, когда ты так обращаешься ко мне.

– Но как тогда?..

– Мохан. Просто Мохан.

– Просто «очарованный», – насмешливо пропел вредный

гость. – Просто ооочень красивый.

– Зарежу! – прошипел мой жених, взбешённый.

Едва успела метнуться вперёд, преграждая ему дорогу. И покачнулась. Мохан метнулся подхватить меня, но не успел – незнакомец плюнул ему под ноги – и юный музыкант, поскользнувшись на его слюне, упал. Я вскрикнула от ужаса. Он же на кинжал свой может напороться. Ох... А-а-а!!!

Рука с длинными ногтями, подрезанными, чтоб резко заострялись к центру, с забившейся под них грязью, подхватила меня под локоть, не давая упасть. А нога с грязными длинными ногтями... ох, тоже подрезанными будто когти! Он... он поймал кинжал Мохана пальцами левой ноги, продолжая при этом удерживать равновесие, стоя на правой ноге и ещё и придерживая меня. Да ещё и лезвие ножа как-то сжал, умудрившись пальцы ноги не отрезать.

– Жених из тебя никудышный! – ослабился жуткий парнишка, показывая неровные резцы. – Твою невесту лапают все подряд. А один даже едва не убил. А ты где был?

– Ты нарочно мне под ноги плюнул! – проорал Мохан, подсакивая.

И коленкой поскользнулся на слюне наглеца, прокатился немного и... нет, вообще проехал до стены. И врезался в неё лбом.

– Какой ты... – парнишка грустно поцокал языком. – Небрежный.

– Ты нарочно!!!

– Заткнитесь оба!!! – проорали с улицы.

Повернувшись, мы увидели Поллава, мрачно переступившего порог.

– Сиб, будешь хулиганить – я сам тебе врежу, – проворчал старший жених, подходя к нам. – На ваши вопли скоро вся деревня сбежится.

Рванул меня на себя – и незнакомец почему-то меня отпустил – а я застонала от боли. Шумно выдохнув, Поллав ногой подвинул мой коврик стене, подальше от входа. И меня уже осторожно туда перенёс, опустив так, чтобы сидела спиной к стене, после сказал мрачно, пристально смотря мне в глаза: – Не ори. Тебе же лучше не привлекать внимания.

И отступил от меня. Рванулась к нему, обхватила запястье.

– Но он... он сказал, что ему что-то известно о моей сестре!

Поллав нахмурился, но, впрочем, руку вырывать из моих пальцев не стал. Мрачно обернулся к нахалу, требовательно спросил:

– Сиб, есть новости?

– Про девк... – под взглядом строгим старшего моего жениха парнишка заткнулся и торопливо исправился: – Про девицу ничего не знаю. Но знаю, что дэви Ганга кое-что Ванаде задолжала. Не посмеет она девк... девицу топить. Выкинет на берег. Иначе ей... – задумчиво лоб поскрёб грязным ногтём. – Ей лучше с моим господином не ссориться.

– Он чокнутый! – проворчал Мохан, уже поднявшийся и тянущийся за кинжалом. – Он утверждает, будто богиня Ганга знакома с Ванадой!

Сиб подкинул ногой кинжал – тот почти долетел до потолка – и Мохан испуганно рванулся назад, когда тот начал падать. Даже на корзину какую-то налетел, рухнул вместе с нею. А странный парнишка, имеющий какое-то отношение к Ванаде, совершенно спокойно поймал кинжал, зажав между средним и указательным пальцами лезвие. И снова не только ничего себе не отрезал, но и даже не порезался. Подвески его пояса и концы шнурка, которыми он собрал волосы, взметнулись, как три хвоста и зловеще простучали змеиными клыками друг об друга. Совсем иначе ударились друг об друга подвески с клыками в ожерелье. И из всего этого сложилось что-то вроде короткой мелодии, странной, глухой. И какой-то... завораживающе жуткой.

– И вообще, – проворчал дерзкий юноша в странной одежде, – меня зовут Сохэйл!

И вообще... он же только что два меча изогнутых показал! Куда они пропали?

– Ванада сказал, что мелкого поганца, которого он пошлёт попозже, зовут Сиб! – отрезал Поллав.

– Мерзкий человечиска! – проворчал Сиб, иначе перехватывая кинжал и смотря на мужчину над острым лезвием. – Совсем не боишься... свой поганый язык потерять?!

А ухмылка, вдруг появившаяся у него, напоминала оскал.

И глаза его чёрные вдруг мрачно-мрачно сверкнули. Уползти хотелось от этих жутких глаз. Подняться и убежать.

Ученик Ванады безумный!

Или... Ванада отправил его, чтобы убить меня? Значит, он меня узнал. Не простил, что я стала невестой кого-то другого. А что его посланник с Моханом сейчас ругается, так Сиб просто забавляется. Никуда не торопится. Так, наверное, хищник спокойно подкрадывается к жертве. Чувствует мощь клыков и сильных лап, откуда могут выскочить лезвия когтей, когда ему станет того угодно. И известно хищнику, как легко, как приятно разрывается под его когтями чужая плоть.

А сам Ванада... почему он сам не пришёл? Или... или ему так мерзко теперь смотреть на меня? А Иша... он нарочно старался её утопить?! Из-за меня?!

Камень 9-ый

Меня трясло. То ли от ужаса, то ли от гнева.

Старший из женихов вдруг положил свою ладонь мне на голову. Будто напоминая, что он всё ещё со мной. Он будет меня защищать. Ведь тогда у реки он и братья достали оружие, чтобы защищать меня и Ишу. Но...

– Ванаде всё расскажу! – мрачно пообещал Поллав, пристально смотря в глаза сумасшедшему парнишке. – Он тебе и язык отрежет, и уши, и... – взгляд опустил пониже, на просторные дхоти наглеца, почему-то идеально чистые. – И много чего ещё.

Сиб шумно выдохнул. Грудь его начала вздыматься всё чаще и чаще от плохо сдерживаемого гнева. Странный отрок напрягся, словно тигр перед прыжком.

– Подождите, мой господин! – я сжала пальцы Поллава.

Вздвогнув, тот опустил взгляд, смотря уже на меня.

– Мой господин! – взмолилась я, осторожно сжимая его пальцы своими, перебитыми и пронзающими руки ноющей болью. – Ему, кажется, что-то известно об Ише.

– Ах да, – старший из женихов и на сей раз руки своей не вырвал. И строго на мрачного Сиба посмотрел, игнорируя вопли Мохана с призывом зарезать наглеца прямо сейчас и прямо здесь, не дожидаясь возвращения Ванады.

Ванада... ещё вернётся? Ох, но что же мне?.. Что я должна

теперь делать? Я вроде обещала быть его невестой. Если он не пошутил в тот день. Но он первый меня оставил! И не пришёл, чтобы защитит!

– Ты припёрся потому, что они уже нашли её и... – мужчина нахмурился, покосившись на меня, но всё же договорил: – Или её труп?

– Пока ничё не нашли! – бодро доложил Сиб. – Жива она, наверное.

– Проведя столько времени в бушующей реке? – вскинул бровь Поллав.

– Говорю же, дэви Ганга и мой господин – давние знакомые. Они...

– Что ещё тебе велели передать? – оборвал его мужчина. – А, кстати... кинжал-то верни! Он не твой!

Парнишка сердито наморщил лицо. И кинжал вернул. Метнув так, чтоб вонзился в стену у шеи Мохана.

– Я тебя всегда достать могу, запомни! – прошипел он, глядя на юношу, опять начавшего неровно дышать.

– Что передать велели?! – рявкнул на него мужчина.

– Да это... – Сиб опять почесал лоб грязным ногтём. – Чтоб я сгонял к соседней деревне, которая близко к реке, вдоль течения Ганги. И теперь тамошние люди тоже по берегу ищут.

– Она же далеко! – растерялся уже и Поллав, потом проворчал: – И не стыдно тебе врать-то?!

– Да я быстро ле... бегаю быстро, о левая рука обезьяны!

От брошенного кинжала Сиб увернулся.

Кинжал впился в стену около двери. Заставив жену отшельника, как раз вошедшую из-под занавеси, напугано вскрикнуть от вонзившегося возле неё лезвия.

– Будешь шутки шутить – зарежу! – пообещал Поллав.

И несчастная попятилась обратно из дома, уже за занавесь ухватилась, только бы хотя бы ею загородиться от страшного гневающегося мужчины, да ещё и оказавшегося вооружённым.

– Да ты сам первый начал! – возмутился Сиб.

Поллав осторожно снял мои пальцы и опустил мои руки мне на колени.

Женщина торопливо выскочила. Вскрик её донёсся из-за дома, видимо, оступилась, торопясь.

Сиб проворчал:

– Жуткие манеры у главы его семьи! Чуть что – и нож в глотку швыряет.

– Когда попаду – жаловаться будет уже некому, – мрачно осклабился Поллав.

Но парнишка уже резко развернулся – взметнулись жуткие подвески, словно хвосты – и мрачный выплыл из дома. На улице испуганно завопили двое детей, напуганные его жуткой одеждой. Или взглядом мрачным. Или он им рожицу жуткую скорчил там тайком? С него станется!

Тихо призналась:

– Мне от него жутко.

– О, есть в этой семье хоть один здравомыслящий человек! – радостно отозвались из-за стены.

Жена отшельника торопливо рванулась в дом, поближе к невозмутимому Поллаву. Сейчас казалось, что от того исходит какая-то особая сила. Будто бы он мог нас всех защитить.

– Ох, дети! – запоздало спохватилась несчастная женщина. – Там дети!

– Не волнуйтесь, я детей не ем! – отозвались уже издалека, откуда-то с правого края деревни.

– Ушёл... – вздохнула я облегчённо.

– Ушёл... – вздохнул Мохан. Но рванулся было к двери. – Вот я ему...

– Стой! – потребовал старший брат.

И младший уныло подчинился. Но ворчать не перестал:

– Фу, противный парень! Зачем Ванада только такого хама к себе в ученики взял?!

– Сам противный, – проворчал Поллав. – Ты приглядишься: он как собака дикая. Если бояться или орать в ответ на её тьяканья, она ещё больше разлается, будет лезть и прыгать, будто укусить хочет или загрызть. Но если сохранять спокойствие или самому на неё рявкнуть строго – заткнётся. Заскулит и уползёт, поджав хвост. Такие как он чувствуют, кто их не боится – и не лезут. На всякий случай.

Поллав забрал кинжал Мохана себе, под взглядом недовольным брата.

– Тебе везёт! – проворчал Мохан. – Ты всегда такой спо-

койный.

– А ты едва не... – начал было сердито старший брат, но заметив женщину, запнулся. И вежливо попросил: – Вы не могли бы оставить нас наедине ещё ненадолго? Нам надо кое-что насчёт свадьбы и будущей жизни обсудить.

– Ах, да, – смутилась женщина и посмотрела на меня с какой-то жалостью. – Да, говорите, конечно. Только не слишком долго. Вы ещё не женаты. Неприлично вам быть наедине-то.

И ушла, оставив меня с двумя чужими мужчинами.

Подождав подольше и в окно, и в дверь взглянув, чтоб проверить, ушла ли она далеко и нет ли кого опять поблизости, Поллав присел в паре шагов от меня. И Мохан последовал его примеру, сел сбоку.

– Следил бы за собой, а не за чужими учениками! – проворчал тихо глава его семьи. – Вчера едва не зарезал Яша. Сегодня...

– Вчера?! – дёрнулась я.

Значит, Ванادا вчера сестру в реку швырнул. Вчера! Разве смогла бы она выжить, столько провалявшись в воде? Люди-то сразу тонут. Да ещё и хариалы там живут. Под водой. И... и другие крокодилы могут добраться, наверное, если их болото пересохнет. Которые ещё больше. Которые точно людей едят. Которые спокойно нападают на живых людей.

Сползла на пол, зарыдала, пряча лицо между скрещенных рук.

Чуть погодя, твёрдая широкая ладонь легла мне на спину, около плеча. Задела обнажённую кожу. И я испуганно вздрогнула от прикосновения. Вспомнила, что только трое нас здесь сейчас. И ужас ощутила.

– Мне жаль, что так получилось с твоей сестрой, – серьёзно сказал Поллав.

Как будто он раскаивался, что не сумел уберечь её. И... и всё же его волновала боль в моём сердце. Почему-то мне вдруг стало чуть спокойнее. Как будто и его защиту обещало мне прикосновение этой широкой ладони.

– Ты смышленная девушка, Кизи, – тихо добавил мужчина почти сразу, убрав свою руку с моего тела. – Нам надо обсудить несколько дел, пока нам опять не пришли мешать.

И... и он касался меня! Чужой мужчина! Хотя и жених. Хотя...

Села. Застонала от резкой боли в перебитом теле и животе. Завалилась бы на бок, не схвати меня Поллав за плечи. Он осторожно помог мне сесть. Странно, сегодня этот грубый мужчина был даже заботливым и осторожным. Он... умеет быть добрым?!

Музыкант сразу же убрал руки и сел обратно, в двух шагах от меня. Достаточно близко, чтобы подхватить, если завалюсь, теряя сознание. Но всё же на некотором расстоянии, показывая, что не намерен меня трогать, смущая. Хотя бы сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.